

серия

Н.Н. Платошкин

Весна и осень чехословацкого социализма

Чехословакия в 1938–1968 гг.

Часть 2

Университет Дмитрия Пожарского

Холодная война

Николай Платошкин

**Весна и осень чехословацкого
социализма. Чехословакия
в 1938–1968 гг. Часть 2.
Осень чехословацкого
социализма. 1948–1968 гг.**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 94(437)
ББК 63.3(4Чея)63

Платошкин Н. Н.

Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948–1968 гг.
/ Н. Н. Платошкин — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2015 — (Холодная война)

ISBN 978-5-91244-164-6

В книге рассматривается история чешского и словацкого социализма в период с 1938 по 1968 год. В первой части особое внимание уделяется приходу компартии к власти в Праге в феврале 1948 года. Показательно, что именно эта дата считается на Западе «официальным» началом холодной войны. Но зарождение социализма в Чехословакии произошло еще в довоенное время, а авторитет коммунистической партии сильно окреп еще в годы Второй мировой войны, так как именно коммунисты составляли ядро антифашистского сопротивления. История социализма в Чехословакии имеет общие черты с развитием этой идеологии во всей Европе, так что изучение «весны чешского социализма» имеет значение для понимания европейской истории XX века в целом. Вторая часть книги посвящена освещению предыстории «пражской весны» 1968 года, которую правильнее было бы назвать «пражской осенью», так как она являлась скорее началом заката старой эпохи, чем зарождением чего-то нового. Оставив в стороне достижения и проблемы социализма, мы можем сказать, что данная книга – это история о том, как маленькая страна занимается государственным строительством, будучи втянутой в противостояние между двумя могучими сверхдержавами. Если капитализм страдает от кризисов перепроизводства товаров, то чехословацкий социализм «произвел» слишком много образованных и свободных людей. Именно они составили идейное ядро тех, кто раздувал ветер «пражской весны», в то время как «партийные аппаратчики» пытались проводить экономические и социальные реформы. К сожалению, практически все ошибки чехословацких реформаторов шестидесятых годов были повторены в перестроечном СССР. Возможно,

история ничему не учит, но она дает возможность не потерять прошлое. Книга предназначена для историков, дипломатов, всех интересующихся историей холодной войны, международными отношениями и изучением социальной динамики в переходные исторические периоды.

УДК 94(437)

ББК 63.3(4Чея)63

ISBN 978-5-91244-164-6

© Платошкин Н. Н., 2015

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. «Весна пражского социализма»: Чехословакия в 1948-1953 годах	8
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Платошкин
Весна и осень чехословацкого
социализма. Чехословакия в
1938–1968 гг. Часть 2. Осень
чехословацкого социализма. 1948–1968 гг.

© Платошкин Н. Н., текст, 2015

© Вороновская А. М., дизайн макета и верстка, 2016

© Горева Е. А., дизайн и оформление обложки, 2016

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Предисловие

События 1968 года вокруг Чехословакии до сих пор рассматриваются как незаживающая рана в отношениях русских, чехов и словаков. В умах многих они затмили собой и чувство «славянского братства», и благодарность Красной армии за освобождение Праги от фашистских захватчиков в годы Второй мировой войны.

Что же происходило в том памятном 1968-м? В Париже строились баррикады (протесты молодежи против «общества потребления»), американцы бомбили Вьетнам – и на этом фоне 20 августа в Чехословакию вошли сотни тысяч солдат и офицеров армий стран Варшавского договора. Почему это случилось?

Самая популярная на сегодня точка зрения состоит в том, что Москве не понравились реформы в Чехословакии – «Пражская весна», проходившая под лозунгом «социализма с человеческим лицом». Но стоит отметить, что реформы в Чехословакии начались еще в 1963 году и не против воли СССР, а при его действенной поддержке. Экономическая реформа проводилась в Чехословакии в полном объеме с 1 января 1967 года, а за образец во многом была взята «косыгинская реформа», которую в СССР осуществляли начиная с 1965-го. В Чехословакии шла реабилитация жертв политических репрессий, но и она проходила с некоторым запозданием по сравнению с хрущевской оттепелью.

Блестящий чехословацкий кинематограф первой половины 60-х годов («новая волна») по своему лирическому и гражданскому звучанию очень похож на советское кино эпохи «шестидесятников».

Приход к власти Александра Дубчека в Чехословакии в январе 1968 года осуществился с молчаливого одобрения Москвы. Во всяком случае, Брежнев отказался поддержать прежнего руководителя страны Антонина Новотного. В январе 1968-го Дубчека, или «Сашу», как его величал Леонид Брежнев, сердечно встречали в советской столице.

Почему же в августе того же 1968 года Брежнев уже не видел иного пути для спасения социализма в Чехословакии, чем ввод войск союзных армий стран Варшавского договора? Что же случилось в эти семь месяцев?

В истории Чехословакии – первой развитой страны в мире, начавшей строить социализм, – были и взлеты и падения, а также вмешательство внешних сил не только с Востока, но и с Запада. Какую роль сыграли США и СССР в инициации массовых политических репрессий, которые случились в Чехословакии в 50-х годах? В чем, собственно, заключались чехословацкие реформы 1968 года, и был ли у них шанс на успех?

На все эти вопросы и пытается дать ответ настоящая книга.

Если русские, чехи и словаки смогут разобраться в событиях тех дней, то для них появится возможность возрождения былых братских чувств, и между двумя (а на сегодня – тремя) бывшими странами социалистического содружества смогут снова возникнуть конструктивные политические и экономические союзы.

Глава 1. «Весна пражского социализма»: Чехословакия в 1948-1953 годах

После победы коммунистов в спровоцированном их противниками внутривластном кризисе февраля 1948-го «комитеты действия» партий и общественных организаций Национального фронта провели масштабную чистку своих рядов и госаппарата от открытых антикоммунистов и противников народно-демократического строя.

По состоянию на май 1948 года из 685 членов областных и 3971 члена районных комитетов действия в чешских землях коммунистов было почти 70 %, социал-демократов – 17 %, членов Чешской народной партии (ЧНП) – 4 %, национальных социалистов – 4 %, беспартийных – 5 %.

14 марта 1948 года комитет действия Национального фронта разработал инструкции по проведению чистки. Из общественной и политической жизни следовало исключить лиц, осужденных или преследуемых на основании закона о защите республики, всех, кто распространял подрывную литературу или использовал служебное положение для личного обогащения¹.

Уже к лету 1948 года были уволены с работы более 9500 человек, в том числе 5800 – с государственных и национализированных предприятий и 2500 – с государственной службы. На другую работу перешли 1432 человека². К 11 сентября 1948 года из государственных органов уволили 5539 человек.

Из университетов было «вычищено» 7000 студентов и 500 преподавателей. Учащиеся вузов в 1948 году в основном были детьми богатых и зажиточных семей, что объясняет сильные антикоммунистические настроения, царившие в студенческой среде.

Из местных органов самоуправления – национальных комитетов – комитеты действия вычеркнули более 40 тысяч человек.

Наиболее активные противники режима были арестованы, хотя к этой мере в 1948-м старались прибегать лишь в исключительных случаях. Всего в 1948-1949 годах в Чехословакии было арестовано по политическим мотивам 262 500 человек. 241 до 1960 года казнили. Более двух тысяч заключенных в 1948-1968 годах умерли в тюрьмах и лагерях.

Многие противники КПЧ предпочли уехать в эмиграцию. Треть всех офицеров чехословацкой армии (примерно 5 тысяч) были вынуждены подать в отставку. Речь шла, прежде всего, о тех, кто воевал в годы Второй мировой войны на западном фронте.

Комитеты действия были образованы во всех некоммунистических партиях Национального фронта. Эти органы взяли на себя функции руководящих структур партий и начали очищать их от противников сотрудничества с КПЧ.

27 февраля 1948 года в центральном органе главной антикоммунистической партии ЧСР – Чешской национально-социалистической партии (ЧНСП) – газете «Свободное слово» было опубликовано обращение к членам партии «комитета действия» ЧНСП. Список из 34 подписей открывали фамилии министров от ЧНСП Шлехты и Неймана и председателя Национального собрания (парламента) Давида. В документе решительно осуждалась политика прежнего руководства ЧНСП, которая и привела к правительственному кризису. Бывшие вожди национальных социалистов (Зенкл, Рипка, Странский) были исключены из партии. Новое руководство ЧНСП заявило о стремлении вернуть партию на социалистический путь. Это нашло свое отражение и в новом названии – теперь бывшая ЧНСП стала именоваться Чехословацкой социалистической партией.

¹ Яшиш А. А. Решающее сражение. М., 1978. С. 109.

² Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 264.

Фактически новое руководство партии приступило к исполнению своих обязанностей после 15 января 1949 года, когда состоялась конференция, принявшая новую партийную программу.

Министр внешней торговли национальный социалист Рипка, которого до февраля 1948 года прочили в преемники президента Бенеша и который, собственно, и был зачинщиком правительственного кризиса, бежал в Англию и попытался возобновить там деятельность ЧНСП в эмиграции.

Во главе христианско-демократической Чешской народной партии (ЧНП) встали министры Петр и Плойгар³, которые попытались возродить партию как массовую организацию. Однако новой ориентации ЧНП на союз с коммунистами сначала тайно, а потом и открыто противостояла католическая церковь. Петр стал новым председателем ЧНП, а Плойгар – его заместителем.

11 марта 1948 года председателем Чехословацкой социал-демократической партии (ЧСДП) вновь стал бывший премьер-министр ЧСР в 1945–1946 годах Зденек Фирлингер, которого правые силы смогли устранить с этого поста на съезде ЧСДП в Брно в ноябре 1947-го. Фирлингер всегда ориентировался на союз с КПЧ, за что его презирал президент республики Бенеш (брат Бенеша Войта был членом ЧСДП и приложил много усилий, чтобы убрать Фирлингера с поста председателя партии в 1947 году).

17 апреля 1948 года КПЧ и ЧСДП опубликовали совместное заявление о предстоящем объединении партий в Чехии и Моравии (в Словакии это произошло еще в сентябре 1944-го). Руководство социал-демократической партии торопилось, так как после февраля 1948 года многие ушли из ЧСДП и вступили в КПЧ. Объединение, таким образом, могло состояться де-факто.

Объединение обеих рабочих марксистских партий произошло 27 июня 1948 года на торжественном собрании делегатов КПЧ и ЧСДП в пражском зале «Люцерна». Фактически социал-демократов в индивидуальном порядке принимали в КПЧ, а в Центральный комитет (ЦК) компартии было кооптировано 14 левых социал-демократов (в том числе Фирлингер, Людмила Янковцова, Отто Йон и Эвжен Эрбан). К началу 1949 года, когда кампания по приему в КПЧ бывших социал-демократов была закончена, коммунистами стали примерно половина бывших членов ЧСДП.

Общей тенденцией послефевральского периода был массовый переход из некоммунистических партий в КПЧ. Многие просто хотели быть на стороне победителей и сохранить свои посты на государственной службе.

Изменения после февраля 1948 года коснулись и самой компартии – отныне бесспорной правящей партии Чехословацкой республики. 28 сентября 1948-го Коммунистическая партия Словакии (КПС) организационно вошла в состав КПЧ. До этого она представляла собой самостоятельную партию, хотя политически всегда руководствовалась установками ЦК КПЧ.

В феврале 1948 года компартия была самой массовой политической силой страны: в ее рядах насчитывалось 1,4 миллиона членов (в мае 1945-го коммунистов было не более 30 тысяч). За пять месяцев после февральской победы только в чешских землях в КПЧ вступили 856 657 новых членов, а в Словакии – 196 928. Летом 1948 года в рядах коммунистов насчитывалось 2,5 миллиона человек, среди которых 320 тысяч перешли из других партий. Процентный состав рабочих – главной социальной опоры КПЧ – серьезно сократился. Руководству партии пришлось объявить в июле 1948 года мораторий на прием новых членов.

³ Священник Йозеф Плойгар (родился в 1902 году) был активным противником нацизма и находился в концлагере Бухенвальд с 1939 по 1945 год. Противники Плойгара утверждали, что еще до февраля 1948 года тот был тайным членом КПЧ («подводной лодкой», на жаргоне того времени). Распространялись слухи, что преподобный Плойгар много пьет и любит красивых девушек. Алоис Петр и Плойгар были исключены из ЧНП 24 февраля 1948 года за поддержку политики КПЧ.

Чтобы избавиться от карьеристов и приспособленцев, была проведена чистка партии, в результате которой из ее рядов исключили более 150 тысяч человек. Для желающих стать коммунистами вводился, по советскому образцу, обязательный кандидатский стаж. Многих коммунистов перевели из членов партии в кандидаты.

На январь 1949 года в КПЧ помимо рабочих состояли 202 872 крестьян и примерно 100 тысяч ремесленников-частников⁴.

Победившие в феврале 1948 года коммунисты сохранили Национальный фронт, куда помимо КПЧ по-прежнему входили уже очищенные от противников народно-демократического строя другие партии: ЧСДП (до июня 1948-го), ЧНСП (позднее ЧСП) и ЧНП, а также общественные организации (профсоюзные, женские, молодежные и т. д.). Формально именно в рамках Национального фронта было 25 февраля 1948 года сформировано новое правительство Клемента Готвальда.

Лидер КПЧ Готвальд таким образом сохранил пост премьера. Его заместителями стали коммунисты словак Вильям Широкий и Антонин Запотоцкий (лидер единых профсоюзов страны Революционного профсоюзного движения, РПД). Еще одним вице-премьером стал лидер центристского крыла ЧСДП Богумил Лаушман (на февраль 1948 года – председатель партии).

Очень важной победой КПЧ было то, что о своей готовности войти в новое правительство Готвальда заявили очень популярные в стране беспартийные министры обороны и иностранных дел генерал Людвик Свобода и Ян Масарик (сын первого президента ЧСР).

Посты министров внутренних дел и финансов сохранили коммунисты Носек и Доланский. Портфель министра внешней торговли перешел от ЧНСП к КПЧ (новым главой ведомства вместо Рипки стал Антонин Грегор, активно участвовавший в движении Сопrotивления во время нацистской оккупации). Зять Готвальда коммунист Алексей Чепичка стал министром юстиции, Фирлингер (ЧСДП) – министром промышленности. Другой социал-демократ, Эрбан был назначен министром социального обеспечения. Социал-демократы (Людмила Янковцова) сохранили за собой и крайне важное министерство снабжения. В то время в ЧСР была карточная система, и это министерство отвечало фактически за снабжение всего населения продовольствием по утвержденным нормам.

Новый руководитель ЧПН Плойгар возглавил министерство здравоохранения. Шлехта – новый вожь бывшей ЧНСП – занял пост министра техники.

Самая крупная буржуазная партия Словакии – Демократическая, набравшая на выборах в 1946 году 62 % голосов, – самораспустилась, и вместо нее 8 марта 1948 года была учреждена Партия словацкого возрождения, которая, в отличие от своей предшественницы, тесно сотрудничала с коммунистами в рамках Национального фронта.

В другой небольшой словацкой партии Национального фронта – Партии свободы – новое, дружелюбно настроенное по отношению к коммунистам руководство пришло к власти в конце 1948 года.

Следует отметить, что численный состав всех некоммунистических партий Национального фронта после февраля 1948 года сильно сократился, например, в ЧНСП с 600 тысяч до 15 тысяч человек⁵.

Новое правительство Готвальда утвердил президент страны Эдвард Бенеш, который фактически тайно подталкивал руководство ЧНСП к правительственному кризису в феврале 1948 года, а потом предал поверивших ему национальных социалистов. До избрания на пост президента ЧСР в 1935 году сам Бенеш был активным членом национально-социалистической партии.

⁴ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 280.

⁵ http://is.muni.cz/th/64234/ff_m/Hlavni_textova_cast.pdf

Однако получение новым правительством Готвальда вотума доверия в Национальном собрании (парламенте) едва не было сорвано трагическим событием, споры вокруг которого не утихают и поныне.

10 марта 1948 года министр иностранных дел Ян Масарик (родился в 1886-м) был найден мертвым под окнами своей ванной на мостовой перед Чернинским дворцом (здание МИД, в котором он и жил в отдельной квартире).

Масарика любили в стране не только потому, что он был сыном «отца-основателя» Чехословакии Томаша Гарига Масарика. Ян Масарик, казалось, воплощал в себе хрестоматийные черты чешского характера – он любил пошутить, вкусно поесть и пил только качественные спиртные напитки (предпочитал виски). Во время нацистской оккупации Масарик каждый день обращался по радио из Лондона к своим соотечественникам: «Милые мои!». Его голос знали в каждой чешской семье.

Пост министра иностранных дел любителю комфортной жизни Масарику нравился – он чаще бывал за границей, чем дома (это с сарказмом отмечал в своих депешах в Вашингтон посол США в Праге Стейнхардт). Однако популярность Масарика была так велика, что никто в Чехословакии не смел критиковать его за это.

Многие следы указывали на самоубийство: открытое окно ванной, следы на подоконнике, наконец, даже то, что пижамные брюки министра были испачканы его экскрементами – он, жизнелюб, явно боялся сделать свой последний шаг в небытие. Сразу же после гибели Масарика противники коммунистов запустили версию о том, что он не хотел входить в «коммунистическое» правительство и поэтому ушел из жизни. Однако у министра были прекрасные отношения с Готвальдом. Если бы Масарик отказался от поста и захотел уехать из страны, Готвальд, хоть и скрепя сердце, не смог бы этому противиться. Однако Ян Масарик не только согласился остаться в кабинете, но и возглавил в своем министерстве объявленную коммунистами 24 февраля 1948 года по всей стране одночасовую забастовку. Под контролем Масарика действовал и «комитет действия» министерства, проводивший в МИДе кадровую чистку. При чем именно Масарик решал, кого оставить, а кого уволить, и коммунисты ему не перечили.

Позднее из ФРГ в оборот была запущена новая версия: Масарика вытолкнули из окна либо агенты госбезопасности, либо советские офицеры МГБ, тайно прибывшие в Прагу. Но никакими фактами эта версия не подкреплялась. К тому же коммунистам незачем было убивать популярного в народе министра, публично вставшего на их сторону в критические дни февраля 1948 года.

В 1968 году, во время «пражской весны», генеральная прокуратура ЧССР провела фундаментальное и всеобъемлющее расследование смерти Яна Масарика и пришла к однозначному выводу о самоубийстве министра. Фактически были подтверждены результаты следствия 1948 года.

Однако остался открытым главный вопрос: что побудило страстного любителя жизни выпрыгнуть из окна своей ванной накануне представления правительства Готвальда в парламенте?

9 марта 1948-го, накануне своего странного самоубийства, Масарик присутствовал на загородной вилле президента Бенеша в Сезимово-Усти на вручении новым польским послом верительных грамот. После этого министр о чем-то наедине говорил с президентом в течение 20 минут. По словам очевидцев, оба были разговором огорчены, особенно Бенеш. Вероятно, противник коммунистов Бенеш все еще не терял надежды досадить Готвальду и убеждал Масарика не входить в правительство, а уехать за рубеж, где его ждала любимая женщина – американка Мерси Дэвенпорт⁶. Несомненно, если бы Готвальд явился на заседание Национального

⁶ В 1925 году Масарик женился на американке Фрэнсис Крейн, дочери видного промышленника и дипломата, но через пять лет их бездетный брак распался.

собраний с новостями о бегстве из страны крайне популярного беспартийного министра иностранных дел, это был бы очень сильный удар по легитимности нового кабинета.

То, что Бенеш был очень недоволен своей беседой с Масариком, могло свидетельствовать лишь об одном – министр покинуть родину отказался.

Тем не менее, вечером 9 марта Масарик, как обычно, с большим аппетитом поужинал в своей квартире в Чернинском дворце. Ужин сервировал его дворецкий Богумил Пржигода, которому Масарик на прощание сказал: «Ну так, Пржигода, спокойной ночи и до завтра. Встретимся утром в полдевятого». Масарик в последнее время плохо спал и планировал после утверждения правительства в парламенте уехать на две недели в санаторий.

Сегодня эта загадочная смерть представляется до обидного банальной: выпив бутылку пива, Масарик ночью сидел и курил на подоконнике открытого окна своей ванной комнаты и случайно упал вниз на тротуар. Но именно эта версия и объясняет все обстоятельства дела. Ведь не подлежит сомнению, что такой человек, как Масарик, не хотел, да и не имел никаких оснований уйти из жизни. К тому же министр панически боялся всяких ран и травм, и все, кто его знал, едины в одном: прыгать из окна, рискуя остаться инвалидом, Ян Масарик никогда не стал бы.

Однако после краха социализма в Чехословакии в 1989 году было проведено новое расследование. В 2004-м следователь майор Правда пришел к выводу, что Масарик был убит коммунистами, естественно, при содействии советской госбезопасности. Никаких доказательств этой версии майор с красноречивой фамилией не представил, зато она нравилась и нравится тем чехам, кому не нравятся коммунисты и Советский Союз. К сожалению, подобные «версии», не имеющие под собой абсолютно никаких оснований, публикуют и российские СМИ.

В похоронах Яна Масарика участвовали все правительство Готвальда и примерно 250 тысяч потрясенных пражан. Не обошлось без антикоммунистических слухов и по этому поводу. Якобы «подозрительный» букет цветов в гробу Масарика закрывал огнестрельную рану на его виске. Но и в 1948-м, и в 1968-м году все врачи, проводившие вскрытие, и свидетели похорон единогласно подтвердили, что никаких огнестрельных ран на теле министра обнаружено не было. Заметим, что некоторые участники вскрытия затем эмигрировали из страны и последствий своей откровенности могли не опасаться.

Что касается желания уехать за границу, которое активно пытались и пытаются приписать Масарику, то окончательно пришедшие к власти в феврале 1948 года коммунисты эмиграции граждан сначала вообще никак не мешали. Председатель правительства и лидер КПЧ Клемент Готвальд выразился на сей счет кратко: «Пусть себе уезжают»⁷. Однако уже через несколько недель после февральских событий процедура получения заграничного паспорта была усложнена, а границы стали охранять внимательнее, чтобы воспрепятствовать нелегальной эмиграции. Незаконно люди бежали в основном в Баварию, которая тогда представляла собой часть американской оккупационной зоны Германии (в восточной Австрии в то время еще стояли советские войска).

В приграничной зоне расцвел целый бизнес: местные жители за деньги тайно переводили эмигрантов через границу. Этим воспользовалась госбезопасность, которая в рамках операции «Камень» (по другим данным, операции «Камни») стала внедрять в сеть проводников своих агентов, выражавших готовность перевести желающих. При переходе горе-эмигранта арестовывали за нарушение режима государственной границы.

Был и еще более рафинированный вариант. Эмигранта «переводили» через границу, и на другой стороне его задерживал американский патруль (на самом деле состоявший из сотрудников госбезопасности ЧСР, говоривших по-английски). При допросе «американцами» беженец охотно рассказывал о своей ненависти к коммунистам и борьбе против них. Затем, при пере-

⁷ http://is.muni.cz/th/52127/ff_m/Strucna_historie_uprchliku_z_ceskych_zemi_.pdf.

воде эмигранта в лагерь для перемещенных лиц, на него «нападали» сотрудники КНБ (корпус национальной безопасности ЧСР) и якобы «возвращали» его на чехословацкую территорию. Таким образом, у госбезопасности были уже готовые показания самого эмигранта о его антигосударственной деятельности, и оставалось лишь передать дело в суд.

Постепенно граница ЧСР с Баварией укреплялась. Появились сторожевые вышки, примерно на расстоянии одного километра друг от друга. На отдельных участках были установлены заграждения из колючей проволоки под напряжением. На самых опасных направлениях были выстроены доты и вкопаны в землю танки.

Всего страну покинули в 1948–1949 годах 28 тысяч человек.

В целом за время господства в Чехословакии коммунистической партии (1948–1989 годы) из страны уехали примерно 500 тысяч человек, или 3,5 % населения⁸. Для сравнения стоит отметить, что до Первой мировой войны (тоже примерно за 40–50 лет) из чешских земель, находившихся в составе Австро-Венгрии, за границу уехали 1,2 миллиона человек, в том числе миллион чехов. 400 тысяч эмигрантов тогда осели в США, примерно столько же в Австрии и 200 тысяч в Германии.

Тем не менее, в феврале 1948 года большинство населения Чехословакии либо поддержало приход коммунистов к власти (тем более что он был абсолютно законен и санкционирован президентом страны), либо заняло выжидательную позицию. Массовых акций протеста не было. Наоборот, все уличные многотысячные демонстрации, организованные профсоюзами, поддерживали новое правительство.

Новый кабинет Готвальда был утвержден Национальным собранием без проблем (из 21 члена кабинета 16 были коммунистами). Вместе с персональным составом правительства премьер представил на рассмотрение депутатов программу, предусматривавшую завершение шедшей уже несколько лет работы над новой конституцией, проведение, как и было намечено, парламентских выборов в мае 1948 года, углубление аграрной реформы. За правительство Готвальда и его программу проголосовали 230 депутатов Национального собрания из 300. 59 парламентариев на заседание не явились, а 11 покинули зал в знак протеста.

Национальный фронт решил выдвинуть на парламентские выборы 30 мая 1948 года единый список кандидатов, среди которых преобладали коммунисты и сочувствующие. Несогласные могли опускать в урны незаполненные («белые») бюллетени. За список Национального фронта отдали свои голоса 6 424 724 человека (86,6 %), «против» пустыми бюллетенями проголосовали 994 419 избирателей (13,4 %). 250 тысяч голосов были признаны недействительными.

Отныне все депутаты парламента прочно стояли на платформе обновленного Национального фронта. Среди них было 211 коммунистов (как от самой КПЧ, так и от общественных организаций – членов Национального фронта), 25 социал-демократов, 26 национальных социалистов, 23 члена народной партии, 12 членов партии-правопреемницы словацкой демократической партии и три представителя словацкой Партии свободы.

Еще раньше, 15 апреля 1948 года, высший орган Национального фронта (Центральный комитет) утвердил проект новой конституции страны. Конституция была принята парламентом 9 мая 1948-го в годовщину освобождения Чехословакии от нацистской оккупации («за» проголосовали все присутствовавшие 254 депутата из 300). В преамбуле конституции с благодарностью говорилось об освобождении Чехословакии «великой славянской державой» СССР⁹. В первом предложении нового основного закона была четко сформулирована цель развития страны: «Мы, народ чехословацкий, заявляем, что мы полны решимости построить освобожденное государство как народную демократию, которая обеспечит нам спокойный путь к соци-

⁸ http://is.muni.cz/th/52127/ff_m/Strucna_historie_uprchliku_z_ceskych_zemi_.pdf.

⁹ Hoensch J. Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965. Stuttgart, 1966. S. 148.

ализму»¹⁰. Во второй статье конституции говорилось, что ЧСР – это государство «двух равноправных славянских народов – чехов и словаков».

К компетенции словацких автономных органов – Словацкого национального совета (парламент в составе 100 депутатов) и Корпуса уполномоченных (правительство) – были отнесены все вопросы, за исключением обороны, иностранных дел и внешней торговли.

Впервые в конституции ЧСР были зафиксированы права граждан на образование, труд и отдых для всех работающих.

Позднее, 1 января 1949 года вместо еще средневекового деления всей страны на три земли – Чехию, Моравию-Силезию и Словакию – ЧСР в административном плане была разбита на 19 областей («краев»): 13 в Чехии и Моравии и 6 в Словакии.

Бенеш не хотел подписывать новую конституцию и уединился в своей резиденции в Сезимово-Усти. От каких-либо публичных выступлений против новой власти глава государства воздерживался. Чтобы все-таки избежать необходимости занять определенную позицию по отношению к основному закону, за пять дней до его принятия, 4 мая 1948 года, Бенеш подал в отставку с поста президента, сославшись на плохое здоровье. Готвальд прекрасно понял суть этого демарша и прямо заявил начальнику канцелярии президента Смутному, что рассматривает отставку как удар в спину его правительства.

Заметим, что Готвальд и КПЧ в целом до того времени воздерживались от любой публичной критики Бенеша, хотя прекрасно знали, что именно президент стоял за правительственным кризисом февраля 1948 года. Именно с прицелом на Бенеша коммунисты предложили в новой конституции определить семилетний срок президентских полномочий (парламент избирался на 6 лет). Ранее же именно коммунисты, и опять же «под Бенеша», настаивали на праве президента избираться на два срока подряд, чего не хотели, например национальные социалисты (они были лишь за один срок).

Президент по конституции был верховным главнокомандующим, вводил на основании решения правительства военное положение, а по постановлению парламента объявлял войну.

В основном законе было также записано, что президент может вновь избираться на семь лет после того, как со времени сложения им полномочий также прошло семь лет. В специальной статье было прямо записано, что все эти ограничения не действуют для «второго президента республики»¹¹, то есть Бенеша (!). Таких конституционных привилегий не было даже у Сталина.

За президентом было сохранено право назначать правительство и отправлять его в отставку.

5 мая 1948 года Готвальд и Бенеш встретились в Сезимово-Усти и достигли компромисса. Бенеш согласился повременить со своей отставкой до выборов в Национальное собрание. Так как президент не хотел подписывать новый основной закон, договорились, что он подаст в отставку между 30 мая и 7 июня 1948 года, когда, согласно законодательству, глава государства должен был как-то определиться с подписанием утвержденной Национальным собранием конституции.

Тайное соглашение было почти в точности выполнено, и Бенеш ушел в отставку 8 июня 1948 года. 14 июня новое Национальное собрание единогласно утвердило на пост нового главы государства Клемента Готвальда – первого коммуниста, бывшего рабочего, занявшего резиденцию чешских королей в Пражском Граде. Главой правительства стал очень популярный в стране профсоюзный лидер коммунист Антонин Запотоцкий.

¹⁰ http://www.psp.cz/docs/texts/constitution_1948.html.

¹¹ Первым президентом Чехословакии, как уже упоминалось, был отец Яна Масарика Томаш Масарик (умер в 1935 году, его сменил Бенеш).

3 сентября 1948 г. Бенеш умер в своей загородной резиденции (которая была за ним сохранена) от последствий постигшего его в 1947 году инсульта. До сих пор этот человек вызывает в Чехии ожесточенные споры. Кто-то считает его выдающимся государственным деятелем, кто-то – марионеткой коммунистов, а кто-то – самоуверенным, влюбленным в себя и власть человеком, который начал в феврале 1948 года рискованную политическую игру и позорно проиграл ее своему собственному народу.

В апреле 2004 года нижняя палата парламента Чешской республики преодолела вето сената (верхней палаты) и повторно приняла закон номер 292/2004, состоявший всего из одного предложения: «Эдвард Бенеш имеет заслуги перед государством». Президент Вацлав Клаус на закон вето не наложил, но и подписывать его отказывался, чем вызвал жаростные споры насчет правомочности подобного поведения главы государства. В мае 2005 года в Праге Бенешу был поставлен памятник. Он стоит напротив МИД, на той самой площади, где 10 марта 1948 года трагически оборвалась жизнь Яна Масарика.

Сразу же после февральских событий 1948 года в Чехословакии американцы, раздосадованные столь легкой победой коммунистов в этой «западной» стране, начали активно продвигать в мировое общественное мнение версию «коммунистического государственного переворота в Праге». На самом деле в Вашингтоне опасались повторения пражского сценария в Италии и Франции, где коммунистические партии пользовались поддержкой миллионов избирателей, так же, как и их чешские товарищи.

В анализе ЦРУ от 10 марта 1948 года говорилось: «Психологические последствия пражского переворота явно достигли размеров, выходящих далеко за рамки его действительного значения; в них проявляется страх, вызванный слабостью экономики и политики Западной Европы в сравнении с Советским Союзом, равно как и наглядное впечатление от того, как легко коммунистическое меньшинство может взять власть в традиционно демократической стране»¹².

В течение месяца после февральских событий в Праге страшилки о коммунистическом перевороте заполняли первые полосы ведущих газет США, особенно влиятельной «Нью-Йорк Таймс». Прибегая к откровенной лжи, американские СМИ утверждали, что «переворот» срежиссирован в Кремле, а Сталина сравнивали с Гитлером, оккупировавшим Прагу в марте 1939 года. После известия о смерти Масарика госсекретарь Маршалл заговорил о «коммунистическом терроре», жертвой которого якобы стал сын первого президента ЧСР, хотя до этого сами же американцы считали Масарика марионеткой коммунистов и даже не позволили ему совершить официальный визит в США. Госсекретарь заявил: «То, что сейчас происходит в ЧСР, – трагедия. Особенно то, что произошло с некоторыми политиками, как в случае с Яном Масариком»¹³.

«Нью-Йорк Таймс» писала: «Как молния с ясного неба смерть Яна Масарика высветила страшную катастрофу, которая разыгрывается за железным занавесом. То, что трагедия миллионов людей в силу своего масштаба бессильна сделать доступным человеческому пониманию, вдруг стало понятным с помощью ужасной трагедии одного человека»¹⁴. «Нью-Йорк Херальд Трибюн» вторила: «Все, кто на Востоке интересуются основными правами человека, должны либо бежать, либо умереть. Ян Масарик выбрал смерть»¹⁵.

Таким образом, если кто-то и использовал в своих целях смерть популярного чехословацкого министра, то это были отнюдь не коммунисты, а американцы.

¹² Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 83.

¹³ Kettner P., fedlicka I. Proc zemrel Jan Masaryk? Praha, 1990. S. 18.

¹⁴ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 83.

¹⁵ Kettner P., fedlicka I. Proc zemrel Jan Masaryk? Praha, 1990. S. 18.

Направляемая из Белого дома и ЦРУ античехословацкая и антисоветская пропаганда достигла весной 1948 года в США таких размеров, что испугались сами ее творцы. В Вашингтоне царил ожидание неминуемого военного столкновения с Советским Союзом. Министр обороны США Форрестол записал в своем дневнике 16 марта 1948 года: «Газеты этим утром полны слухов о войне»¹⁶. Верховный комиссар США в Германии генерал Клей прислал в Вашингтон паническую телеграмму, в которой утверждал, что война против СССР может вспыхнуть «драматически и неожиданно». ЦРУ в своем анализе 16 марта 1948 года сообщило администрации Трумэна, что риск войны реален в течение «ближайших недель».

Госсекретарю Маршаллу пришлось немного отыграть назад. В конце февраля 1948-го он сообщил всем американским дипломатическим представительствам, что Запад не сможет реально ничего предпринять в ответ на «коммунистический переворот» в Праге. Одно дело было сообщать в СМИ о военной конфронтации с Москвой, другое – решиться на нее.

США даже не стали разрывать дипломатические отношения с Чехословакией, так как американское посольство в Праге было ценным источником информации. Из 80 американских «дипломатов», составлявших тогда штат посольства, 33 были военными. Не стали в США и выносить «чехословацкий вопрос» на обсуждение ООН, поскольку понимали, что ничего противозаконного, а тем более нарушающего международный мир, в Праге на самом деле не случилось. К тому же было ясно, что СССР как постоянный член Совета безопасности ООН наложит вето на любую резолюцию, содержащую вмешательство во внутренние дела своего союзника – ЧСР.

Американцы лишь смогли подбить своих собственных союзников Англию и Францию на совместное заявление относительно Чехословакии, которое было опубликовано 26 февраля 1948 года: «Правительства Соединенных Штатов, Франции и Великобритании внимательно следили за событиями, которые только что разыгрались в Чехословакии и которые представляют собой угрозу для самых принципов свободы, дорогих любой демократичной нации. [Правительства трех стран] констатируют, что с помощью искусственного и преднамеренно вызванного кризиса, методами, уже использованными в других странах, было прекращено свободное функционирование парламентских институтов и установлена диктатура одной партии, замаскированная под правительство национального единства. Им [правительствам трех стран] не остается ничего иного, как осудить процесс, результаты которого будут катастрофичны для чехословацкого народа, уже неоднократно проявившего посреди ужасов Второй мировой войны свою преданность делу свободы»¹⁷.

Американцы побудили Париж принять резолюцию протеста во французском Национальном собрании, а 2 марта 1948 года исполком британской лейбористской партии (на тот момент правящей) осудил тех «чехословацких социалистов», которые сотрудничали с коммунистами.

25 февраля 1948 года осудивший события в Праге постоянный представитель ЧСР при ООН Ян Папанек попросил Генерального секретаря ООН норвежца Трюгве Ли внести вопрос о положении в Чехословакии на повестку дня заседаний Совета Безопасности ООН. Ли, считавший, что ООН и он лично не должны содействовать конфронтации между Востоком и Западом, отверг это предложение. Но после известия о смерти Яна Масарика Папанек устроил пресс-конференцию и передал в ООН личную ноту протеста по поводу событий в Чехословакии. Однако ведущий сотрудник госдепартамента США (и будущий госсекретарь в администрации Кеннеди) Раск, к которому Папанек обратился за содействием, в любой помощи наотрез отказал. Папанек был уже частным лицом, а вносить вопросы в повестку дня ООН могли только государства. США этого делать не хотели.

¹⁶ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 84.

¹⁷ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 85.

Американцы решили попытаться раздуть дипломатический кризис вокруг Чехословакии руками своих сателлитов. 12 марта 1948 года делегация Чили в ООН внесла ноту Папанека на рассмотрение Совета Безопасности. Следует отметить, что осенью 1947 года правительство Чили разорвало дипломатические отношения с СССР, США и Югославией, и чилийский президент Видела назвал это «первыми залпами третьей мировой войны». 17 марта правительство Готвальда официально уволило Папанека. Однако американцы и их союзники устроили опальному дипломату выступление на Генеральной Ассамблее ООН 22 марта 1948 года.

В мае 1948-го западные страны предложили образовать комиссию ООН по «расследованию» событий в Чехословакии, но СССР предсказуемо наложил на этот проект свое вето. «Чехословацкий вопрос» тем не менее формально оставался в повестке дня Совета Безопасности ООН до 1956 года, когда Генеральный секретарь ООН окончательно вычеркнул его.

В начале апреля в конгресс США поступил тайный доклад «Стратегия и тактика мирового коммунизма», в котором признавалась блестящая тактика чехословацких коммунистов в феврале 1948 года на фоне неумелых действий их противников: «...Еще никогда проблема взятия власти в государстве не была решена так успешно, как в феврале 1948 года в Чехословакии...»¹⁸

Однако администрация Трумэна извлекла из «пражского переворота» прямые и ощутимые внешнеполитические выгоды. Под влиянием беспрецедентного антисоветского психоза в СМИ конгресс США быстро одобрил ассигнования на план Маршалла, так как без него коммунисты, дескать, смогли бы совершить подобные перевороты в Италии и Франции. Один из сотрудников госдепартамента, отвечавший за план Маршалла, заметил, что «пражский переворот» был «послан... небом с целью убеждения конгресса»¹⁹.

США начали усиленно формировать из своих западноевропейских партнеров антисоветские военные союзы. Уже 17 марта 1948 года в Брюсселе Францией, Великобританией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом был подписан договор об автоматическом оказании военной помощи в случае агрессии против любого из участников договора. Страна-агрессор в договоре названа не была, но все понимали, что речь идет о СССР.

11 июня 1948 года конгресс США принял резолюцию сенатора Ванденберга, которая знаменовала собой самую разительную смену вех в американской внешней политике с момента образования страны. До тех пор нерушимым принципом, «священной коровой» американской дипломатии было неучастие США в военных блоках и отказ от размещения войск за границей в мирное время. Резолюция Ванденберга предусматривала как раз обратное. Москве дали понять, что американские вооруженные силы намерены оставаться в Европе и Азии на неопределенное время. Резолюция прямо рекомендовала администрации Трумэна присоединиться к Брюссельскому пакту.

Американцы готовились к мировой ядерной войне, в ходе которой они надеялись быстро разгромить СССР, у которого еще не было собственной атомной бомбы. Принятый в 1948 году секретный военный план США *Charioteer* («Возничий») предусматривал бомбардировку 70 городов СССР 133 ядерными зарядами, причем на Москву планировалось сбросить со стратегических бомбардировщиков В-36 восемь атомных бомб, а на Ленинград – семь. Американцы исходили из того, что из 28 миллионов советских граждан, проживавших на тот момент в городах – целях «Возничего», в первые же дни войны должны погибнуть 6,7 миллиона²⁰. Согласно этому плану, утвержденному правительством США 18 августа 1948 года, СССР после военного разгрома должен был капитулировать и превратиться в протекторат западных держав-победи-

¹⁸ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 277.

¹⁹ Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 86.

²⁰ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 270.

телей. На то, чтобы разделаться с СССР, американцы отводили себе столько же времени, что и Гитлер, – максимум шесть месяцев²¹.

Правда, по оценкам военных стратегов Пентагона для войны надо было существенно пополнить авиапарк ВВС и запасы боеприпасов. В 1949 году «Возничего» заменили планом Dropshot («Удар с небес»). На сей раз Москву предполагалось бомбардировать ядерными зарядами не в начале войны, а лишь на второй ее неделе. В Пентагоне аргументировали эту «гуманность» тем, что если сразу разрушить советскую столицу, некому будет капитулировать перед победоносными американцами. В Вашингтоне полагали, что до 1952 года у Советского Союза точно не будет ядерного оружия.

Но самым опасным последствием событий в Праге стал раскол Германии. Американцы решили создать из западных оккупационных зон Германии сепаратное государство и в перспективе включить его в антисоветские военные блоки. В Москве, только что пережившей страшную и разрушительную германскую агрессию, это воспринимали как явную угрозу национальной безопасности.

4 июня 1948 года американцы, французы и англичане под жестким нажимом США договорились об объединении своих оккупационных зон Германии в единый экономический и политический организм. Это было грубым нарушением Потсдамских соглашений держав-победительниц 1945 года, которые предусматривали четырехстороннее управление Германией как единым целым. Теперь же советскую зону оккупации Германии американцы и их западные союзники стали, по сути, считать инородным организмом.

18 июня раскол Германии окончательно стал свершившимся фактом. Обманув СССР, с которым они ранее договорились о одновременном проведении денежной реформы во всех оккупационных зонах Германии, США, Англия и Франция неожиданно ввели в своих зонах и Западном Берлине новые деньги, втайне от Москвы отпечатанные в США. В советскую оккупационную зону, где сохранялись старые рейхсмарки, ведь СССР собственной сепаратной денежной реформы не планировал, через открытую границу в Западном Берлине хлынули громадные массы обесценившихся «бывших» денег. СССР «предупредили» о введении новых денег... за два часа(!).

22 июня западные державы предложили СССР ввести в Берлине особую валюту (таким образом, в «единой» Германии ходило бы три денежные единицы – в западных зонах, в советской зоне и еще в Берлине, который был центром советской зоны оккупации). Естественно, предложение было отклонено СССР как «абсурдное»²². Интересно, что на этом же заседании британский представитель констатировал: «...в настоящий момент русская зона и Берлин наводнены старой валютой». И это было абсолютной правдой – только за первые пять дней после введения западной марки советские и восточногерманские власти изъяли более 90 млн «старых» марок, которые незаконно пытались переправить из западных зон в советскую²³.

В этих условиях СССР был вынужден ввести в Берлине пограничный режим, что западные страны немедленно охарактеризовали как блокаду «Западного» Берлина и стали снабжать «голодающее население» немецкой столицы по воздушному мосту. Британский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» (New Statesman and Nation) справедливо писал в то время: «Предположим, однако, на мгновение, что сложилась обратная ситуация. Предположим, что... германская столица находится в английской, а не в русской зоне; предположим далее, что русские внезапно объявили о намерении создать сепаратное восточногерманское правительство и провести сепаратную денежную реформу, которая неизбежно подорвала бы экономику нашей

²¹ Ross S. American War Plans 1945-1950. Portland Oregon, 1996. P. 80.

²² Keiderling G. Die Berliner Krise 1948/49. Berlin. 1982. S. 84.

²³ Keiderling G. Die Berliner Krise 1948/49. Berlin. 1982, S. 86.

зоны. Чего иного можно было бы тогда ожидать, кроме как требования с нашей стороны, чтобы русские незамедлительно... покинули столицу?»

Генерал Клей немедленно предложил Вашингтону прорвать «блокаду» вооруженным путем из Западной Германии, но у Трумэна хватило ума не допустить мировой войны, тем более что СССР, в отличие от западных стран, никаких соглашений относительно Германии не нарушил и воздушному мосту не мешал. СССР принял специальное решение об увеличении продовольственного снабжения Западного Берлина (и это в то время, когда сами советские люди переживали не лучшие времена из-за чудовищных разрушений, нанесенных войной).

Совет Министров СССР только в порядке неотложных мер выделил для Западного Берлина из госрезервов 100 тысяч тонн муки и 10 тысяч тонн жиров. Новейшие исследования западных ученых показывают, что подушевое потребление калорий в «голодающем» Западном Берлине в 1948-1949 годах было выше, чем в Париже или Москве. В ноябре 1948 года западноберлинский рабочий получал в день 2202 килокалорий, его восточноберлинский коллега – 2289.

Почти 22 тысячи западных берлинцев до 4 августа 1948 года получили продовольственные карточки в советской части Берлина – и никакой «блокады» так и не ощутили. Чтобы поддерживать чувство «голодной обреченности» в Западном Берлине, американские, британские и французские военные власти в городе стали увольнять с работы всех, кто осмеливался покупать продукты в Восточном Берлине. Иллюзия «блокады» должна была быть сохранена любым путем.

4 апреля 1949 года взамен Брюссельского пакта был учрежден, уже в Вашингтоне, новый антисоветский военный блок – Организация Североатлантического договора (НАТО). 24 августа того же года договор вступил в силу после ратификации его всеми парламентами стран-участниц (Бельгии, Дании, Франции, Великобритании, Нидерландов, США, Норвегии, Португалии, Италии, Канады, Люксембурга и Исландии).

С самого начала предполагалось использовать силы НАТО не только против «агрессии» со стороны Москвы, но и для подавления внутренних беспорядков в самих странах – членах НАТО. С этой целью в 1950 году был разработан тайный план OPLAN 100-1. Канадский министр иностранных дел охарактеризовал НАТО как «динамичный противовес коммунизму и полюс притяжения капитализма».

Почти все расходы по военным приготовлениям НАТО в первые годы несли США. В 1949 году из суммарного военного бюджета всех стран блока в размере 18,7 миллиардов долларов на США приходилось 13,5 миллиарда.

Что до планов насчет Чехословакии, США решили избрать в отношении всех восточноевропейских стран политику «сдерживания коммунизма» (containment). Предполагалось любой ценой, за исключением полномасштабной мировой войны, не допустить «советизации» еще входивших в «свободный мир» стран. Однако сами же американцы считали, что такие страны, как Чехословакия или Польша, уже «советизированы», поэтому в отношении них «сдерживание» превратилось в 1948 году уже в «отбрасывание», хотя формально этот термин (roll back) официально стал использоваться во времена президента Эйзенхауэра (1953-1961 годы).

Одним из главных творцов новой американской антисоветской политики был бывший поверенный в делах США в СССР Джордж Кеннан – духовный отец плана Маршалла и ярый антисоветчик даже по американским меркам. Формально «отбрасывание» мотивировалось все тем же «пражским переворотом». Хотя, возможно, это был лишь предлог.

Еще в декабре 1947 года Совет национальной безопасности (СНБ) США принял специальную директиву NSC 4-A, согласно которой только что созданной внешней разведке, ЦРУ, поручалось вести «психологическую войну» против враждебных США стран. Смысл дирек-

тивы был еще и в том, что все подрывные операции носили тайный характер и не подлежали согласованию с конгрессом²⁴.

18 июня 1948 г. новая директива СНБ NSC 10/2 уже точнее определила, что понималось под тайными операциями (covert actions): «[операции], которые осуществляются или поддерживаются нашим правительством против враждебных иностранных государств или групп, или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и осуществляются так, что любая ответственность правительства США за них не очевидна непосвященным лицам, и если эти операции станут достоянием гласности, правительство США сможет достоверно отречься от любой ответственности за них»²⁵.

Организовывать подрывные операции поручалось ЦРУ либо единолично, либо в контакте с госдепартаментом и министерством обороны. Перечень подрывных акций СНБ определял следующим образом: «пропаганда; экономическая война; превентивные прямые акции, включая саботаж, контрсаботаж, разрушение (объектов) и эвакуация (людей); подрывная деятельность против враждебных государств, включая поддержку движений сопротивления, партизан и эмигрантских освободительных групп, а также поддержку местных антикоммунистических элементов в странах свободного мира, находящихся в опасности»²⁶.

В ноябре 1948 года в очередной директиве СНБ (NSC 20/4) в применении к восточноевропейским странам говорилось: «Мы должны всеми средствами, которые исключают войну, организовывать и поддерживать постепенный уход незаконной советской власти с ее нынешних рубежей с тем, чтобы вернуть ее в традиционные границы, мы должны инициировать и поддерживать восстановление восточноевропейских стран как независимых от СССР образований»²⁷.

Кеннан рекомендовал использовать против влияния СССР в Восточной Европе не только традиционные антикоммунистические силы (вроде нацистских пособников времен Второй мировой войны), но и «титоизм».

В июне 1948 года резко осложнились советско-югославские отношения, что было для американцев подарком судьбы. Разрыв между Москвой и Белградом (самыми авторитетными тогда государствами среди социалистических и народно-демократических стран) случился отнюдь не из-за гегемонизма Сталина, как сейчас пытаются представить на Западе. Лидер Югославии Тито фактически пытался аннексировать Албанию, руководство которой обратилось к Сталину за помощью. Советский лидер безоговорочно встал на сторону албанцев и спас независимость этой страны. Этого Тито Советскому Союзу не простил и начал пропагандировать свой «национальный», «самоуправленческий» и антисоветский социализм, который в США и окрестили «титоизмом».

Никакой «демократической социалистической» альтернативой СССР «титоизм», конечно же, не являлся. В Югославии начались массовые аресты и казни сторонников дружбы с Советским Союзом, для которых были даже созданы специальные концлагеря. Член Коммунистической партии Югославии (КПЮ) Предраг Милчевич писал: *«Из 285 147 членов КПЮ, имевшихся в начале 1948 года, были исключены 218379 человек, подавляющее большинство из которых вынесли всю тяжесть борьбы за свободу и социализм. Все они были репрессированы и вместе с несколькими сотнями тысяч беспартийных прошли жернова жутких концлагерей – „Голого Отока“, „Святого Гргура“, „Билеча“, „Мермера“, „Забела“, „Углья“, „Градишка“, „Рамского Рита“, „Главнячи“ и других „святых“ мест, входивших в систему ломки человеческой психики и воли... К прославленным партизанам, как и к десяткам тысяч сербских, черно-*

²⁴ Подробно историю создания органов США по подрывной войне против иностранных государств см. на сайте госдепартамента США www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

²⁵ www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

²⁶ www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

²⁷ Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 103.

горских, хорватских, словенских, македонских коммунистов, применялись такие изощренные пытки, какие известным антисоветчикам Рыбакову, Солженицыну, Гранину, Евтушенко, Вознесенскому, М. Захарову, Аксенову, Солоухину, Сахарову, Шафаревичу и иже с ними даже в самом страшном сне не могли присниться»²⁸.

Но на репрессии в Югославии американцы предпочитали закрывать глаза, так как главным для них было побудить последовать примеру Тито другие восточноевропейские страны.

В своих воспоминаниях Кеннан так описывал стратегию США в 1948 году: «Существует возможность, что однажды русский коммунизм будет уничтожен своими собственными детьми, мятежными коммунистическими партиями сателлитов. Не могу даже представить себе более логичное и оправданное развитие, так как национализм – это идеология, существующая дольше всех прочих»²⁹.

Для реализации своей стратегии по подрыву влияния СССР в Восточной Европе американцы создали специальный орган – Офис политической координации (Office of Policy Coordination), который на первых порах именовали Офисом специальных проектов (Office of Special Projects), что было гораздо точнее. Этот штаб подрывных операций курировали одновременно ЦРУ и госдепартамент, однако фактически всем заправляла американская внешняя разведка, а именно один из руководителей ЦРУ Фрэнк Визнер. На практике Визнер подчинялся главному идеологу холодной войны Кеннану, в свою очередь, возглавлявшему также недавно созданный Штаб политического планирования (Policy Planning Staff) госдепартамента. ЦРУ должно было обеспечить людей Визнера деньгами, явками и агентами.

Фрэнк Визнер во время Второй мировой войны был резидентом Управления специальных служб (УСС) США в Румынии (он курировал из Бухареста всю Юго-Восточную Европу). Визнер (родился в 1909 году), как и Аллен Даллес, был адвокатом на службе американских корпораций Уолл-стрит, прежде чем поступил в американскую разведку во время войны. После освобождения Бухареста Красной армией в августе 1944 года Визнер активно настраивал против СССР кавалера высшего советского ордена «Победа» молодого румынского короля Михая и предавался «сладкой жизни» в реквизированном для него властями роскошном особняке пивного магната Мита Брагадиру из 30 комнат. Визнер «дружил» с женой Брагадиру, 24-летней принцессой, чьим предком был знаменитый Влад Дракула. Облик «супершпиона» удачно дополнял роскошный «кадиллак».

Однако в деле шпионажа Визнер был дилетантом. Он сообщал в центр, что завербовал агентуру в советской разведке, а на самом деле НКВД подставил ему двойного агента, и вся сеть Визнера в Румынии работала под контролем советских спецслужб³⁰.

С тех пор Визнер считал русских не просто главными идеологическими, но и личными врагами. Глава американской разведки, во время войны генерал Донован, даже вынужден был в октябре 1944 года официально предостеречь своего румынского резидента от «слов или действий», которые могли бы расцениваться как «антагонизм по отношению к России»³¹.

С марта 1945 года Визнер в Висбадене был на связи с воссозданной США нацистской разведкой – «организацией Гелена», из которой затем выкристаллизовалась разведслужба Западной Германии. Уйдя в 1946 году из распущенной Трумэном внешней разведки, Визнер вернулся к адвокатской практике, но в 1947-м снова поступил на службу в госдепартамент, где начал выискивать среди «перемещенных лиц» в лагерях на территории Германии людей, которые могли бы быть полезны для национальных интересов США.

²⁸ <http://postrana.narod.ru/revpage8.html>.

²⁹ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 103.

³⁰ Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 12.

³¹ Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 20.

К маю 1948 года, будучи начальником специальной рабочей группы госдепартамента «Использование беженцев из СССР в национальных интересах США», Визнер разработал предложения по задействованию «национальных антикоммунистических элементов... которые проявили выдающуюся твердость перед лицом коммунистической угрозы». В переводе с чиновничьего языка это означало начало официальной работы американских ведомств с бывшими нацистскими пособниками, вроде бандеровцев и власовцев, которым путь на родину был заказан.

Не утратив вкуса к шпионской атрибутике, Визнер назвал свой план Blood Stone («Кровавый камень») и потребовал выделить из бюджета на работу с «перемещенными лицами» 5 миллионов долларов³².

Став главой Офиса специальных проектов, Визнер первым делом взялся за операцию «Пересмешник» по продвижению в зарубежные СМИ антисоветской и прочей сфабрикованной ЦРУ информации.

ЦРУ через Офис политической координации начало активно забрасывать в СССР и Восточную Европу диверсантов (морем и с воздуха). Вооруженные группы эмигрантов, среди которых были ушедшие с немцами пособники нацистов, высаживались в Эстонии, на Украине и в Албании. Всех их ждала незавидная судьба, так как вся работа только что созданного ЦРУ плотно контролировалась Москвой через советского разведчика Кима Филби, который в 1949–1951 годах был резидентом британской разведки в Вашингтоне. Филби удобно расположился в защищенном от прослушивания кабинете в Пентагоне, по соседству с высшим органом американского военного управления – Комитетом начальников штабов (КНШ)³³.

После «пражского переворота» и всплеска антисоветских настроений в США ведомство Визнера было завалено заказами из Пентагона, которые шокировали даже склонного к авантюризму отца операции «Кровавый камень». Например, военное ведомство срочно требовало от Визнера подготовить и забросить в СССР 2 тысячи диверсантов для выведения из строя аэродромов советской бомбардировочной авиации³⁴.

При этом американская разведка и посол США в Праге Стейнхардт пытались выставить в роли будущего агрессора Москву. Например, в донесении от 16 марта 1948 года ЦРУ ссылались на некий чехословацкий контакт Стейнхардта, который якобы слышал слова советского заместителя министра иностранных дел Готвальда о том, «что война начнется, как только улучшится погода». Утверждалось, что именно в преддверии войны «Советы» и устанавливают в Восточной Европе откровенно коммунистические режимы, как недавно это произошло в Чехословакии³⁵. При этом само же ЦРУ в своей комментарии к информации от Стейнхардта прямо писало, что не верит в готовность СССР пойти на войну против западных держав в течение ближайших месяцев.

Тем не менее ЦРУ получило от президента Трумэна прямое указание подготовить аналитический документ с прогнозом относительно войны против СССР до конца 1948 года. Вывод американской разведки, выраженный в докладе от 2 апреля 1948 года, был реалистичным: «Масса имеющихся в наличии данных и выводы из „логики ситуации“ говорят в пользу того, что СССР не прибегнет к прямой военной акции в течение 1948 года»³⁶.

Основной упор в своей подрывной деятельности против ЧСР Вашингтон сделал на чехословацкую антикоммунистическую эмиграцию. Американцы через свое посольство в Праге

³² Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 25.

³³ Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 53.

³⁴ Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 32.

³⁵ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

³⁶ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

и агентов ЦРУ сразу после февральских событий 1948 года пытались побудить видных чехословацких политиков к эмиграции на Запад, чтобы создать там своего рода «правительство в изгнании».

7 августа 1948 года смог бежать за границу один из лидеров ЧНСП Петр Зенкл (бывший министр и мэр Праги). Не всем так везло. 20 марта того же года при попытке нелегально перейти границу органами госбезопасности был арестован бывший лидер ЧНП священник Ян Шрабек. Тем не менее вскоре на Западе оказались бывшие министры Губерт Рипка (ЧНСП), Вацлав Майер (ЧСДП), Ярослав Странский (ЧНСП). Удалось склонить к побегу и нескольких чехословацких дипломатов: кроме представителя ЧСР при ООН Папанека к ним относились чехословацкие послы в США Славик, во Франции – Носек, в Югославии – Корбел (отец будущего госсекретаря США Мадлен Олбрайт).

Рипка (женатый на француженке) тайно эмигрировал при помощи французской разведки. Сотрудник чехословацкой военной разведки Войтех Жерабек, собрав секретную информацию, сбежал в ноябре 1948 года с помощью ЦРУ³⁷. Американский посол в Праге Стейнхардт в нарушение своего дипломатического статуса предоставил территорию посольства для хранения вещей тех, кто собирался незаконно покинуть страну. Причем потом вещи были переправлены в Германию американской дипломатической почтой.

Начиная с февраля 1948 года американские оккупационные власти в Баварии имели четкий приказ максимально доброжелательно относиться к эмигрантам из Чехословакии: «Необходимо уделять особое внимание чехословацким беженцам, в гораздо большей степени, чем то принято по отношению к эмигрантам. Мы, прежде всего, имеем в виду политиков, которые вели активную борьбу против коммунистов, а также военных». Если «политиков» хотели сделать вождями античехословацкой эмиграции, то военных активно допрашивали. Кеннан так определял полезность эмигрантов для национальных интересов США: «...талантливые люди выводятся из-под контроля Советского Союза, разрушаются советские мифы (о хорошей жизни в социалистических странах – *Прим. автора.*), повышается внутреннее недоверие к советской системе, деморализуются коммунисты, а мы получаем информацию»³⁸.

Заместитель госсекретаря Дин Ачесон (вскоре сам вставший во главе американской внешней политики) лично дал указания, о чем прежде всего следовало допрашивать чехословацких эмигрантов. Американцы пытались выяснить, каким таким хитроумным способом коммунисты в ЧСР смогли легко и без насилия завоевать политическую власть в прозападной вроде бы стране. Простое объяснение, что политику коммунистов поддерживало большинство населения, в Вашингтоне признавать отказывались.

Чехословацкие эмигранты, сами только что проигравшие коммунистам спровоцированную ими же самими борьбу за умы своих соотечественников, обычно говорили то, чего от них и желали услышать их американские «интервьюеры». Успех «пражского переворота», по версии эмигрантов, главным образом сводился к «тайной миссии» в Праге заместителя министра иностранных дел СССР и бывшего советского посла в ЧСР В. А. Зорина. Правительственный кризис февраля 1948 года, в ходе которого коммунисты и пришли к власти, а точнее, упрочили свою власть, завоеванную ими на свободных выборах весной 1946-го, был спровоцирован буржуазными министрами кабинета, как раз теми, кого США ожидали увидеть в рядах эмигрантов. Они уверяли, что все приготовления проводились в полнейшей тайне, так что об этом не знал и симпатизировавший им президент Бенеш. Откуда, в таком случае, мог знать об этом Зорин, чей визит в Прагу в феврале 1948 года был рутинным и запланированным заранее? Тем не менее с тех пор и до сего дня ничем не подтвержденная версия о «руке Зорина в пражском перевороте» гуляет по страницам западных исторических исследований.

³⁷ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 103.

³⁸ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 88.

После допросов наиболее ценных с точки зрения последующей политической игры эмигрантов американцы направляли в специальный лагерь в немецком городе Оберурзеле, недалеко от Франкфурта-на-Майне. Американцы прозвали этот «чехословацкий дом» Alaska House. До начала 50-х годов через «аляскинский дом» прошло примерно 200 чехословацких эмигрантов. Обычно после пребывания в Оберурзеле эмигранты в течение нескольких недель получали через ЦРУ въездные визы в одну из западных стран.

По иронии судьбы, ранее обосновавшиеся в США словацкие эмигранты клерикально-фашистского толка (многих из которых в ЧСР осудили как военных преступников за связь с нацистами еще до февраля 1948 года) начали активную кампанию против въезда в США чехословацких эмигрантов «новой волны», так как те активно сотрудничали в правительстве с коммунистами в 1945–1948 годах.

Менее важные чехословацкие эмигранты были обозначены как «перемещенные лица» (displaced persons, или сокращенно DP) и размещены в обычных лагерях в Западной Германии и Австрии. Их насчитывалось около десятка, и условия пребывания там были, мягко говоря, не очень хороши. До конца 1948 года в этих лагерях было зарегистрировано 8922 чехословацких «перемещенных лиц»³⁹. Начальником крупного лагеря Вегшайд под Нюрнбергом американцы назначили судетского немца, который с удовольствием издевался над чехами, выселившими его с родины. Из этого лагеря стало поступать так много жалоб, что американцам пришлось провести в июне 1950 года специальное расследование.

25 июня 1948 года конгресс США принял специальный закон, согласно которому 200 тысячам «перемещенных лиц» из Европы (среди которых было много пособников нацистов) разрешалось переехать в Соединенные Штаты. Условиями были наличие американского поручителя и эмиграция из собственной страны до 22 декабря 1945 года. Понятно, что «жертвы коммунистического переворота в Праге» под это условие не попадали. Тогда госдепартамент попросил конгрессмена от Небраски чешского происхождения Карла Стефана внести дополнения к «акту о перемещенных лицах» от 25 июня. Теперь можно было принять в США на постоянное жительство примерно 2 тысячи чехов и словаков, эмигрировавших из страны до 25 июня 1948 года. В январе 1949-го ЦРУ через конгрессмена Целлера добилось расширения списка восточноевропейских эмигрантов до 15 тысяч человек. Но в результате все дело свелось к выдаче 500 въездных виз в США, причем только гражданам ЧСР, что ясно показывает, какое значение американцы придавали организации подрывной деятельности именно против этой страны.

На январь 1950 года в США жили 530 чехословацких «перемещенных лиц», в Великобритании – 1622, во Франции – 1022, в Австралии – 4250, в Канаде – 1167⁴⁰. Многие чехи и словаки, по опыту эмиграции во время Второй мировой войны, предпочитали осесть в Париже или Лондоне, а в далекие от родины Соединенные Штаты их не очень тянуло. В Австралию перебрались в основном те, кто ушел из Чехословакии вместе с немцами до мая 1945 года.

С самого начала американцы пытались создать из эмигрантов мощный центр оппозиции властям в Праге, причем исключительно под своим контролем.

27 мая 1948 года в Лондоне состоялась встреча представителей четырех некоммунистических партий Национального фронта (ЧНСП, ЧНП, ЧСДП и словацкой Демократической партии). Примерно 30 политиков, участвовавших во встрече, решили создать единую верховную организацию чехословацкой эмиграции. 22 июля 1948 года под нажимом госдепартамента было объявлено об учреждении единой «федеративной» организации чехословацких эмигрантов в США. Причем ЦРУ стремилось к тому, чтобы центр чехословацкой эмиграции был именно в США, а не в Западной Европе. Однако 20 августа эмигранты, осевшие во Франции

³⁹ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 88.

⁴⁰ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 91.

и в Великобритании, объявили, что выступают против перенесения центра тяжести политической работы в США. «Французские» и «британские» эмигранты объявили об учреждении Центра демократических чехов и словаков.

Американцы решили немедленно перехватить инициативу. 4 октября 1948 года в Вашингтоне состоялась тайная встреча высших чиновников госдепартамента с бывшим послом ЧСР в США Славиком и Петром Зенклом. Обоим эмигрантам была обещана щедрая финансовая помощь «из различных источников», если они смогут создать верховную организацию «чехословацкого сопротивления» именно в США. Госдепартамент с этой целью финансировал приезд в США из Европы 10-11 октября 1948 года нескольких видных эмигрантов, которым, однако так и не удалось создать нужную ЦРУ организацию к 28 октября – важному с символической точки зрения дню, годовщине провозглашения независимости Чехословакии в 1918-м.

Наконец, под давлением ЦРУ и госдепартамента представители всех чехословацких некоммунистических партий собрались в Нью-Йорке 11 февраля 1949 года (все транспортные расходы по переезду из Европы финансировал госдепартамент). В первую годовщину «пражского переворота» было объявлено о появлении на свет Совета свободной Чехословакии – долгожданного детища госдепартамента и американской разведки. Учредительную декларацию этой организации, которую почти все знали по ее английскому (Council of Free Czechoslovakia), а не чешскому названию, написал журналист Фердинанд Перутка, и она начиналась следующими словами: «Мы, демократические чехи и словаки в эмиграции учредили Совет свободной Чехословакии. Наш народ хочет быть свободным. Он не свободен. Он опять будет свободным. Родина, лишенная голоса с помощью жестоких и хитроумных средств современной террористической власти, не может говорить. Мы будем говорить за нее».

Декларацию разослали 39 странам, 21 из которых (в том числе США, Великобритания и Франция) официально приняли ее. Во главе Совета стоял орган из 12 человек, председателем которого стал специально подготовленный американцами для этой роли Петр Зенкл. Заместителем Зенкла стал бывший лидер словацкой Демократической партии Леттрих. Этим обеспечивалась «паритетность» чехов и словаков в совете, по поводу которой было много споров. Совет образовал региональные секции в Париже, Лондоне и Риме (для контактов с Ватиканом).

Заметим, что сформированный американцами Совет 18 декабря 1949 года выступил с требованием вернуть Чехословакии Закарпатскую Украину, отторгнутую Сталиным в 1945 году⁴¹. При этом лидеры Совета свободной Чехословакии в том же 1945 году были министрами чехословацкого правительства и голосовали за советско-чехословацкий договор о передаче Закарпатской Украины СССР.

В 1947-1949 годах ЦРУ создало в США такие же «верховные органы» эмигрантов из Албании, Болгарии, Венгрии, Польши и Румынии. Госдепартамент настоял, чтобы все эти «советы» и «комитеты» не претендовали на официальный статус правительств в изгнании. В этом случае пришлось бы прерывать дипломатические отношения со всеми упомянутыми восточноевропейскими странами, чего в Вашингтоне не хотели: посольства США за «железным занавесом» были центрами шпионажа не только против «советских сателлитов», но и против самого СССР.

Но ЦРУ и «рыцарей отбрасывания коммунизма» в американской политике такой «легаллизм» госдепартамента не устраивал. Поэтому с подачи Кеннана было решено создать координативный орган всех восточноевропейских комитетов, который формально был бы негосударственным, но на самом деле получал бы финансирование ЦРУ. Тогда госдепартамент мог бы игнорировать протесты восточноевропейских стран против поддержки властями США эмигрантских организаций, провозгласивших своей целью свержение существующих в Восточной Европе правительств любыми средствами, в том числе и насильственными.

⁴¹ Raska F. D. Opoustení bojovníci. Praha, 2009. S. 192.

В июне 1949 года было объявлено о появлении Национального комитета за свободную Европу (National Committee for a Free Europe). Формально это был союз частных американских граждан, созданный на деньги спонсоров-альтруистов. Но среди этих «частных граждан» фигурировали такие персоны, как Аллен Даллес (будущий глава ЦРУ), Дуайт Эйзенхауэр (будущий президент США), генералы Люциус Клей (бывший главком американских войск в Германии, едва не спровоцировавший в 1948 году мировую войну из-за Берлина) и Уильям Донован («дикий Билл», глава предшественника ЦРУ – Управления стратегических служб, УСС).

Аналогичные «частные» комитеты были вскоре учреждены для «свободной Азии» и «порабощенных народов России»⁴². Во всех этих организациях работало много нацистских пособников, например бывших власовцев.

Национальный комитет за свободную Европу в соответствии со своими главными задачами имел три секции. Первая во главе с бывшим соратником Рузвельта Адольфом Берлем (в 1938-1944 годах помощником госсекретаря) организовала «интеллектуальную активность» против восточноевропейских стран. Задачи этой секции сводились к активному сбору информации среди эмигрантов из социалистических стран и устройству наиболее ценных из них на «интеллектуальную работу» в США.

Вторая секция комитета во главе с «желтым» профсоюзным деятелем из Американской федерации труда (АФТ) Генри Киршем должна была организовывать в США лоббистскую работу в поддержку «порабощенных Советами» европейских народов. Как еврей и «рабочий лидер» Кирш должен был создать в среде мало интересовавшейся политикой американской публики отношение к восточноевропейским эмигрантам, схожее с тем, что имелось к беженцам из нацистской Германии в годы войны.

Самой главной секцией комитета была третья – «отделение печати и пропаганды», которое во главе с нью-йоркским банкиром Фрэнком Альтшулем занималось подрывной пропагандистской работой против восточноевропейских стран. Именно в этой секции родилась мысль о налаживании регулярных радиопередач на языках «порабощенных народов».

Альтшуль был биржевым спекулянтом крупного масштаба, спонсором Рузвельта и заместителем председателя влиятельного Американского совета по внешней политике. Чтобы как-то противостоять антисемитизму, довольно широко распространенному тогда во внешне демократических Соединенных Штатах, еврей Альтшуль организовал брак своей сестры с Гербертом Леманом, губернатором штата Нью-Йорк (губернатором этого штата был и Франклин Рузвельт до того, как стал президентом).

Банкир имел тесные дружеские отношения как с Алленом Даллесом, так и с духовным отцом холодной войны Джорджем Кеннаном.

На момент основания на счетах Национального комитета за свободную Европу в банке «Чейз» было 40529 долларов от неизвестных спонсоров (на самом деле от ЦРУ)⁴³. Не имевший поначалу никаких сотрудников, «общественный бесприбыльный комитет» сразу снял на подставное лицо в Нью-Йорке (самом дорогом городе США) офисные помещения с огромной площадью – 4 тысячи квадратных метров (а затем и 13 тысяч). Свои заседания комитет проводил в самом известном на тот момент небоскребе Нью-Йорка – «Эмпайр Стейт Билдинг», где в 1951 году комитет арендовал уже 32 тысячи квадратных футов офисных помещений. На «общественный» комитет тогда работали уже более 2000 человек.

Первым президентом комитета был избран Аллен Даллес. Поступив на дипломатическую службу США в 1916 году, направленный в американское посольство в Швейцарии, Даллес

⁴² С мая 1951 года – Американский комитет по освобождению народов России (American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia), с марта 1953-го – Американский комитет по освобождению от большевизма.

⁴³ http://is.muni.cz/th/11192/ff_d/dizertace_palecek_bez_priloh_final_version_IS_MUNI.txt.

отказал в выдаче въездной визы в США одному из русских эмигрантов, живших тогда в этой нейтральной стране, – Владимиру Ильичу Ульянову.

В 1945 году, став резидентом УСС в Берне, Даллес пытался в нарушение союзнических договоренностей между Рузвельтом и Сталиным добиться сепаратной капитуляции немецких войск на Западе. Его тайные переговоры с представителем Гиммлера генералом СС Карлом Вольфом, а затем и с командованием немецкой армии в Италии получили наименование «операция „Восход“». Именно этот реальный сюжет и стал основой известного советского фильма «Семнадцать мгновений весны». Как и показано в фильме, Сталин, узнав по каналам советской разведки о переговорах за своей спиной, написал личное послание Рузвельту (которого Даллес тоже не потрудился проинформировать о своих контактах с руководством СС). Возмущенный самоуправством Даллеса Рузвельт дал команду немедленно прекратить все сепаратные переговоры с немцами.

С тех пор Аллен Даллес ненавидел Рузвельта и недолюбливал его преемника Трумэна. Братья Даллесы (Аллен и Джон Фостер) активно помогали кандидату в президенты от Республиканской партии на выборах 1948 года Дьюи. Последний обещал сделать Аллена Даллеса руководителем всех американских разведывательных служб⁴⁴, однако президентом в 1948 году был избран демократ Трумэн.

После окончания Второй мировой войны Аллен Даллес стал руководителем УСС в Германии, где спас от суда много бывших нацистов и фактически воссоздал германскую разведку в виде «организации Гелена». Генерал-майор вермахта Райнхард Гелен в годы войны возглавлял секцию генерального штаба гитлеровской армии по сбору разведывательной информации об «армиях Востока», прежде всего о Красной армии. Все свои материалы Гелен в обмен на свободу от уголовного преследования предоставил в распоряжение Даллеса.

Собственно, Даллес был в то время отнюдь не оригинален в своих симпатиях к бывшим нацистам. Считавшийся самым успешным американским генералом военного времени в Европе Паттон уже осенью 1945 года предложил вооружить несколько дивизий СС и изъявил готовность лично «повести их против красных»⁴⁵. Когда Паттона попытались призвать к «политкорректности» по отношению к советским союзникам, тот безапелляционно ответил: «И чего вы беспокоитесь по поводу этих чертовых большевиков? Нам все равно придется воевать против них рано или поздно. Почему бы и не сейчас, когда наша армия находится в боевой готовности, и мы можем отбросить Красную армию назад в Россию? Мы можем сделать это с моими немцами... Они ненавидят этих красных ублюдков».

Правой рукой Даллеса в Берлине был уже упоминавшийся выше Визнер.

Даллес пытался противостоять росту симпатий к СССР в Европе более элегантно. Еще со времен работы в Швейцарии он пытался, и не без успеха, наладить контакты с левыми европейскими политиками и интеллектуалами. Даллес правильно рассудил, что успехи Советского Союза и европейских коммунистических партий в борьбе против нацистов приведут к бурному росту левых настроений в послевоенном мире. Следовательно, надо было возвращать левых, дружелюбно настроенных по отношению к США, чтобы попытаться использовать их в решающий момент против Советского Союза под лозунгами борьбы за «национальный коммунизм».

Именно Даллес, еще работая в Берне, убедил правительство США прекратить поддержку антикоммунистического движения четников Михайловича в Югославии и начать помогать партизанам-коммунистам во главе с Тито. Тем самым были посеяны семена советско-югославского конфликта, успешно взошедшие в 1948 году.

⁴⁴ Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 222–223.

⁴⁵ Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 227.

Даллес доставил в Германию видных социал-демократических немецких политиков-эмигрантов Хегнера и Олленхауэра, которые со временем возглавили Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) и перевели ее на антисоветские позиции.

Пребывание Даллеса на посту резидента УСС в Берлине сопровождалось громким скандалом: его сотрудники были изобличены в спекуляции, незаконно присвоив огромную по тем временам сумму – миллион долларов в валюте (швейцарские франки), золоте, картинах и т. д.

К 1949 году Даллес формально не занимал никакого поста в только что созданной по его инициативе американской внешней разведке – Центральном разведывательном управлении (ЦРУ). Трумэн неохотно пошел на создание ЦРУ в 1947-м, опасаясь, что этот монстр с тайными задачами может со временем превратиться в «американское гестапо». Однако первый директор ЦРУ адмирал Хилленкоттер, полный дилетант в мире «рыцарей плаща и кинжала», привлек Даллеса в качестве своего ближайшего советника. Архитектор операции «Восход» активно продвигал на руководящие посты в разведке преданных себе людей из бывшего УСС, вроде Визнера. Сам Визнер не без злорадства описывал ЦРУ при Хилленкоттере как «сборище старых прачек, обменивающихся сплетнями во время стирки грязного белья»⁴⁶.

В 1949 году у Офиса политической координации Визнера было уже пять резидентур, 302 агента и годовой бюджет 4,7 миллиона долларов. К 1952 году резидентур было уже 47, штатных сотрудников – 2812 (плюс еще 3142 «работавших по договору»), а бюджет составил 84 миллиона долларов. По всем мало-мальски важным вопросам Визнер всегда советовался со своим бывшим шефом Алленом Даллесом. К тому же Трумэн назначил Даллеса в непартийную комиссию экспертов, которая должна была выработать предложения по совершенствованию структуры американской внешней разведки. Теперь Аллен Даллес уже официально имел доступ ко всем документам ЦРУ.

После «пражского переворота» и разразившейся после него в США кампании разжигания слухов о «неизбежности войны с СССР» Даллеса стали хвалить за операцию «Восход» как человека, первым разглядевшего опасную сторону мирового коммунизма.

Однако, несмотря на все усилия США, сдержать победную поступь этого самого коммунизма в мире не удавалось. 1 октября 1949 года китайские коммунисты одержали окончательную победу в гражданской войне против проамериканского правительства Чан Кайши и провозгласили Китайскую Народную Республику (КНР). Для американского общественного мнения, основательно запуганного военной истерией, это был настоящий шок. Именно тогда вззошла политическая звезда сенатора от Висконсина Джозефа Маккарти, который объяснил «сдачу Китая» проникновением коммунистов во все звенья американского государственного механизма. В Америке расцвела «охота на ведьм», которую с энтузиазмом вел образованный конгрессом Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, где и блистал своими разоблачениями Маккарти. Большое количество коммунистов было обнаружено в Голливуде, но особенно много их оказалось, естественно, в госдепартаменте, «сдавшем» Китай. Главным борцом против «коммунистической инфильтрации в американский кинематограф» был в то время не слишком популярный актер ковбойских вестернов Рональд Рейган.

Чуть раньше, в августе 1949 года Вашингтон был потрясен известием об успешном испытании Советским Союзом атомной бомбы. Аналитики ЦРУ думали, что это произойдет не ранее середины 50-х годов. Шок стал еще более мощным, когда выяснилось, что, пока Маккарти искал коммунистов в Голливуде, советские агенты и их единомышленники-коммунисты активно передавали СССР информацию об американском атомном оружии прямо из сверхсекретной лаборатории в Лос-Аламосе.

Под влиянием «китайского» и «атомного» шока Совет национальной безопасности (СНБ) США решил осенью 1949 года пересмотреть стратегию «сдерживания». В январе 1950

⁴⁶ Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 243.

года Кеннана на посту главного стратега холодной войны в госдепартаменте сменил его заместитель Пол Нитце. Нитце (родился в 1904 году в семье немецкого происхождения) работал в 30-е годы в банковском секторе. В 1940 году он перешел на госслужбу и трудился экспертом по экономическим вопросам в Управлении по экономической войне (Board of Economic Warfare), отвечавшем за борьбу против Германии и Японии в экономической области. В 1944 году Нитце стал заместителем председателя межведомственной комиссии по оценке экономического эффекта от стратегических бомбардировок Германии и Японии, а с 1946 года вновь занимался в госдепартаменте экономическими проблемами в Управлении по международной торговой политике (Office of International Trade Policy) и Офисе по экономическим вопросам (Office of Economic Affairs).

Нитце считал политику сдерживания духовного отца «холодной войны» Кеннана слишком мягкой. Кеннан мыслил еще в духе классической дипломатии XIX века и привычно делил весь мир на важные районы и периферию (с точки зрения национальных интересов США). Именно в важных районах, а к таковым Кеннан относил Латинскую Америку и Западную Европу, надо было сдерживать мировой коммунизм. На «периферию» же времени и сил тратить не следовало. В 1949 году Кеннан, считавшего «периферией» и Китай, сделали одним из «козлов отпущения» за «сдачу миллиарда китайцев красным».

Новая стратегия США, разработанная под руководством Нитце и отраженная в директиве СНБ NSC 68, считала необходимым вести активную борьбу против мирового коммунизма по всему миру. Разработчики директивы на основании явно ложных данных ЦРУ пришли к выводу, что СССР начнет войну за мировое господство к 1954 году, а США пока не могут в военном отношении эффективно противостоять подавляющему советскому превосходству. Авторы директивы ничуть не смущало, что «агрессивный» СССР только что потерял 40 % своего национального богатства и 27 миллионов человек в войне.

Если Кеннан реалистично считал, что главной угрозой для США были их внутренние проблемы (дефицит бюджета, расовая сегрегация и т. д.), то директива NSC 68 впервые провозгласила главной угрозой для самого существования Соединенных Штатов Советский Союз.

Казалось, что верность выводов авторов новой директивы о борьбе против СССР по всем азимутам подтвердила вспыхнувшая в июне 1950 года война на корейском полуострове. «Сдавать» подконтрольную Южную Корею американцы не захотели и начали военную интервенцию для спасения ненавидимого большинством населения юга Кореи режима Ли Сын Мана. О характере этого режима свидетельствует хотя бы тот факт, что американский посол с ужасом обнаружил на письменном столе министра образования Южной Кореи бюст Гитлера, а вся оснащенная американцами южнокорейская полиция состояла из тех, кто верой и правдой служил японским оккупантам в годы войны. Неудивительно, что северокорейскую народную армию, офицерский состав которой состоял как раз из бывших партизан, боровшихся против японцев, радостно встречали во всех южнокорейских городах. Армия Южной Кореи разбежалась, и войска КНДР практически без боя заняли почти всю страну. Только город Пусан и его окрестности смогли отстоять срочно переброшенные из Японии американские войска, не допустив тем самым объединения страны.

Но в Вашингтоне, как и в случае с Чехословакией в феврале 1948 года, не допускали мысли о том, что успехи коммунистов могут быть вызваны поддержкой большинства населения. Основной причиной поражения в Корейской войне считалось вмешательство Сталина и Советского Союза.

Национальный комитет за свободную Европу ответил на «агрессию коммунистов в Корею» креативной пропагандистской кампанией «Крестовый поход за свободу». «Поход», начатый в сентябре 1950 года, был использован для сбора «частных пожертвований» на радиостанцию «Свободная Европа». Во главе новоявленных «крестоносцев» стоял бывший главком американских оккупационных войск в Германии Клей, который, как уже упоминалось, едва не

начал мировую войну вокруг Берлина в 1948 году⁴⁷. Естественно, среди организаторов «крестового похода» был и Аллен Даллес, а также будущий президент США Эйзенхауэр. Последний в своей речи от 4 сентября 1950 года (с которой и начался «крестовый поход») обвинил СССР в стремлении к мировому господству, полному «уничтожению человеческой свободы» и попытках ослабить США с помощью «дьявольской клеветы».

Помимо Национального комитета за свободную Европу фонд Рокфеллера образовал еще и Комитет по существующей угрозе (Committee on Present Danger), распространявший в СМИ США и всего «свободного мира» разного рода антисоветские страшилки. На самом деле фонд Рокфеллера был здесь подставной организацией – оба комитета финансировало ЦРУ.

«Крестовый поход за свободу» поразил американцев размахом своей деятельности, за которой тоже стояли отнюдь не бескорыстные спонсоры-альтруисты, а все то же ЦРУ. Например, в 1950 году было организовано пышное турне по США – «Колокола свободы» (Freedom Train Tour). Под звон колокола подписывались петиции за «свободу Европы». 24 октября 1950 года генерал Клей во время массового митинга торжественно водрузил колокол на ратуше Западного Берлина.

В «крестовом походе» активно участвовали религиозные американские организации различного рода, стремившиеся представить СССР фермерам-баптистам или мормонам из глубинки земным воплощением антихриста. Национальный комитет за свободную Европу немедленно издал пропагандистскую брошюру на английском языке под характерным названием «Разгром церкви коммунистами в Восточной Европе» (Communist Crush Churches in Eastern Europe).

И в деятельности Национального комитета за свободную Европу, и в «Крестовом походе за свободу» особое внимание американцы уделяли Чехословакии.

Проблема с этой страной была в том, что никакого массового «народного» сопротивления коммунистам после «пражского переворота» там не наблюдалось. Не было и признаков массового «коммунистического террора». Правительство ЧСР стремилось активно развивать культурные и экономические отношения с США, Чехословакию без проблем посещали западные туристы. В июле 1949 года известный американский журналист и директор «Нью-Йорк Таймс» Сайрус Сулицбергер заявил после своего возвращения из Праги: «Я все время забывал, что нахожусь в коммунистической стране».

Сразу же после событий февраля 1948 года ЦРУ в своем анализе от 27 февраля 1948 года прямо признало, что в Чехословакии «большинство населения поддерживало некоторые стороны политики коммунистов в экономической сфере, и все партии были готовы следовать за СССР во внешней политике»⁴⁸.

Поэтому главной задачей ЦРУ, офиса Визнера и Национального комитета за свободную Европу было спровоцировать правительство ЧСР на жесткие меры внутри страны, чтобы лишить коммунистов опоры среди населения и подорвать культурные и экономические связи между Прагой и западным миром.

Бюллетень государственной американской Информационной службы (ЮСИС), распространявшийся в Праге, стал активно критиковать власти страны, и в 1950 году эти бюллетени изымались из обращения в Чехословакии 35 раз⁴⁹. В феврале 1949 года чехословацкие власти заявили о своем праве ограничивать или запрещать выдачу некоторых книг и журналов населению из пражской библиотеки ЮСИС. Тем не менее, библиотека работала, и американцы регулярно устраивали прямо в центре Праги фотовыставки, посвященные жизни в США. В

⁴⁷ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 119.

⁴⁸ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

⁴⁹ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 98.

марте 1949 года министерство информации ЧСР разрешило распространение 6 тысяч экземпляров журнала «Америка».

Радиостанцию «Голос Америки» в Чехословакии стали глушить начиная с августа 1949 года, когда на ее волнах стал активно работать Национальный комитет за свободную Европу.

В сфере экономических отношений с США правительство Готвальда в 1948–1949 годах старалось избегать любых осложнений. Например, предприятие американской компании IBM, работавшее в Чехословакии с 1927 года, было изъято из программы национализации. 29 октября 1948 года было подписано специальное соглашение между IBM и чехословацким министерством промышленности, закрепившее права собственности американских владельцев фирмы.

Готвальд предложил, наконец, решить и проблему компенсации за национализированное в 1945–1947 годах имущество американских компаний в ЧСР. Переговоры на этот счет шли с осени 1945 года, но никакого результата не приносили, так как американцы требовали компенсации в долларах, а в Чехословакии было мало запасов конвертируемой валюты.

После «пражского переворота» кабинет Готвальда предложил заплатить в порядке компенсации 25 миллионов долларов в обмен на американский кредит в 105 миллионов долларов⁵⁰. Ранее США обещали ЧСР кредит в 250–300 миллионов долларов, но отказались выделить его по политическим мотивам еще в конце 1946 года.

В 1949 году ЦК КПЧ принял специальную программу под наименованием «Наступление чехословацкого экспорта в Соединенные Штаты». В ней, например, содержалось положение о штрафовании чехословацких предприятий, поставлявших в США продукцию недостаточно высокого качества. Предполагалось также создать в торговых училищах специальные курсы по торговле с США и организовать в Америке выставки чехословацких товаров.

Вступив в 1949 году в основанный странами народной демократии и СССР экономический блок – Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Чехословакия, тем не менее, в отличие от СССР, продолжала оставаться как членом ГАТТ, так и МВФ.

Довольно позитивный имидж Чехословакии в Америке объяснялся еще и тем, что влиятельное еврейское лобби в США было искренне благодарно Праге за поддержку Израиля в первой арабо-израильской войне 1948–1949 годов. Именно современное оружие из Чехословакии обеспечило техническое превосходство еврейского государства над своими арабскими противниками и тем самым фактически спасло Израиль от полного уничтожения.

Все эти жесты доброй воли со стороны Чехословакии наталкивались на всякого рода преграды и препоны со стороны американских властей.

В марте 1948 года под всплеск информационной кампании, посвященной «пражскому перевороту», конгресс США принял дополнение к закону о помощи иностранным государствам (Foreign Assistance Act). Теперь под предлогом «угрозы национальной безопасности США» можно было запрещать импорт в Соединенные Штаты любых товаров из восточноевропейских стран.

В 1949 году был принят специальный закон о контроле над экспортом (Export Control Act), запрещавший уже любой американский экспорт в «страны советского блока», если он угрожал все тем же четко не определенным национальным интересам США. Например, были полностью запрещены поставки нефти и нефтепродуктов (в СССР «большая нефть» в Западной Сибири стала добываться и экспортироваться только после 1964 года).

Правда, в госдепартаменте очень скоро осознали, что этот закон приносил вред и США. Чехословакия и другие восточноевропейские страны стали покупать продукцию в других западных странах, от чего страдали прибыли американских компаний. Поэтому госдепарта-

⁵⁰ *Fame J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 97.*

мент то и дело «в виде исключения» разрешал поставки товаров, запрещенных законом о контроле над экспортом.

Например, в октябре 1948 года американской компании «Экссон» разрешили продать в ЧСР 100 тысяч тонн сырой нефти, что составляло четверть годовой потребности Чехословакии⁵¹. В противном случае нефть были готовы поставить англичане.

В январе 1949 года госдепартамент дал американской фирме «Клейтон и Ко» согласие на начало переговоров о продаже Чехословакии хлопка на 4-5 миллионов долларов (ЧСР была давним и надежным покупателем американского хлопка). В декабре 1949 года американское внешнеполитическое ведомство заявило, что не возражает против выделения Всемирным банком кредита ЧСР на развитие производства строительной древесины. Дело в том, что в то время в Западной Европе ощущался большой дефицит этого материала, и все страны были заинтересованы в наращивании чехословацких поставок.

Чехословакия подписала уже в конце марта 1948 года новые торговые соглашения с Данией и Норвегией, а также дополнительное торговое соглашение со Швейцарией. В мае 1948 года был подписан аналогичный чехословацко-французский документ. Таким образом, попытки США изолировать Чехословакию провалились.

В марте 1948 года вся чехословацкая внешняя торговля была национализирована.

Однако принципиальная линия США в отношении «коммунистического режима в Праге» была жесткой и недвусмысленной. Из-за упомянутых американских торговых ограничений торговля между США и ЧСР в 1949 году сократилась по сравнению с 1948-м наполовину. Американцы отказывались поставлять даже уже оплаченные чехословацкой стороной товары, каковых в США на сентябрь 1951 года находилось на 27 миллионов долларов⁵².

Нормальные связи Запада с «коммунистической» Чехословакией были абсолютно неприемлемы для Даллеса и Визнера. Необходимо было любой ценой организовать в ЧСР антигосударственное оппозиционное движение, чтобы спровоцировать чехословацкие власти на жесткие ответные меры. А таковые, в свою очередь, позволили бы сформировать для ЧСР имидж полицейского тоталитарного государства, попирающего все права человека.

В июле 1948 года очередной разрешенный властями парад военно-спортивной организации «Сокол» (по случаю ее IX общегосударственного слета), всегда отличавшейся воинственным антикоммунизмом, с помощью американского посольства в Праге попытались превратить в массовую оппозиционную демонстрацию. Неожиданно в руках примерно 4000 членов «Сокола», пришедших на пражский парад, появились флаги США, Великобритании и, что особенно поразительно, Югославии.

До разрыва между Москвой и Белградом в июне 1948 года именно коммунисты в ЧСР были сторонниками всяческого развития отношений с «братской славянской Югославией», в то время как некоммунистические партии Национального фронта до февраля 1948-го обильно поливали грязью в своих СМИ «титовский диктаторский режим». Югославское посольство даже официально протестовало против клеветы о «бедственном положении чехов и словаков в Югославии», которую распространял официальный орган ЧНСП газета «Свободное слово».

После июня 1948 года антикоммунисты в ЧСР вдруг превратились в горячих сторонников «порвавшего со сталинизмом Тито». Здесь чувствовалась рука Даллеса, давно пытавшегося использовать против Москвы «национальный коммунизм» в других странах.

Следует отметить, что ЧСР на первых порах после разрыва между Сталиным и Тито продолжала развивать с Белградом нормальные экономические отношения.

Во время демонстрации «Сокола» 6 июля 1948 года в Праге раздавались здравницы в честь Бенеша и Тито. Многие «соколы» в ходе шествия демонстративно отвернулись от три-

⁵¹ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 98.

⁵² Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 278.

буны, с которой их приветствовал новый президент ЧСР Готвальд. В лицо президенту неслись лозунги типа «Вы убили нашего Масарика, Бенеша мы убить не дадим!», «Пусть слышит весь мир – Бенеш должен вернуться в (Пражский) Град!»⁵³. Были планы направить манифестантов на штурм резиденции президента – Пражского Града, – о чем знала чехословацкая госбезопасность. Среди манифестантов было много бывших офицеров и унтер-офицеров. Однако в последний момент организаторы слета труслили и дали отбой.

К огорчению американцев, никаких массовых репрессий против «Сокола» не последовало. Были задержаны около 200 человек, которых быстро отпустили. На заседании руководства КПЧ 19 июля 1948 года главный идеолог коммунистов Копецкий предложил разгромить «Сокол» и показать «provokatorам твердую руку». Готвальд высказался в том смысле, что «пусть „Сокол“ лучше вообще не функционирует, чем функционирует против нас». Но пока ограничились тем, что решили начать против «Сокола» массовую кампанию в печати.

Новая провокация «спортсменов» последовала 8 сентября 1948 года, когда десятки тысяч людей хоронили скончавшегося от болезни бывшего президента Бенеша. Эту манифестацию руководители «Сокола» по согласованию с американским посольством тоже пытались превратить в массовые столкновения с правоохранительными органами.

На заседании Президиума ЦК КПЧ 9 сентября 1948 года генеральный секретарь партии Рудольф Сланский (второй человек в КПЧ после Готвальда) заявил: «...Реакционеры хотели использовать похороны как предлог для провокаций в широком масштабе, чтобы достичь того, чего не сумели добиться в феврале (1948 года). Похороны превратились в антиправительственную демонстрацию. Она охватила примерно 100 тысяч человек; несмотря на опубликованные предупреждения, в Прагу прибыло большое число людей. Мы правильно охарактеризовали это дело как попытку путча. Это именно то, во что должны были превратиться похороны. Реакционеры хотели добиться господства на улицах. Были изданы листовки, призывающие людей к открытой борьбе, к занятию министерств, железнодорожных станций, почтовых учреждений и т. п.»⁵⁴.

На сей раз власти кампанией в прессе уже не ограничились. До ноября 1948 года из «Сокола» было исключено более 11 тысяч членов, а 15 тысяч лишили их постов в организации. Теперь «Сокол» был надежным членом Национального фронта.

Логично, что союзником американцев в борьбе против «коммунистического режима», именовавшейся в США, как уже упоминалось, «крестовым походом за свободу», стала католическая церковь Чехословакии.

Авторитет церкви в этой стране был наиболее слабым из всех восточноевропейских стран, что объяснялось историческими условиями. Католическая церковь до 1918 года была верным проводником политики австрийских Габсбургов в чешских землях, поэтому к ней прохладно относились не только коммунисты. Национальные социалисты и Бенеш занимали гораздо более враждебные по отношению к католической церкви позиции, чем КПЧ. Тем более что Бенеш справедливо винил католическую церковь в организации сепаратистского мятежа в Словакии в марте 1939 года, явившегося для Гитлера предлогом для оккупации Чехии и Моравии. В годы Второй мировой войны католическая церковь Словакии активно поддерживала правящий фашистский режим, который даже называли клеро-фашистским, а после войны выступала в защиту осужденных чехословацкими судами словацких сепаратистов и военных преступников.

После войны католическая церковь имела наиболее сильные позиции среди словацкого крестьянства и сельского населения Моравии. В крупных чешских городах и промышленных районах ее авторитет уже давно был минимальным. Среди партий Национального фронта до

⁵³ <http://www.czsk.net/svet/clanky/publicistika/spartakada.html>.

⁵⁴ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 266–267.

февраля 1948 года на католический клир опирались Народная партия и словацкая Демократическая партия.

Понимая свое ограниченное влияние на население и весьма непростую историю отношений с независимым чехословацким государством, католическая церковь не вмешалась во внутривластный конфликт в феврале 1948 года, тем более что коммунисты после 1945-го старались проводить по отношению к церкви в чешских землях уважительную политику.

Фактический глава чешских католиков, пражский архиепископ Йозеф Беран⁵⁵, которого коммунисты уважали за то, что он сидел при нацистах в концлагере, отслужил в честь нового президента ЧСР и лидера компартии Клемента Готвальда торжественную мессу 14 июня 1948 года⁵⁶. Однако уже через четыре дня церковные иерархи фактически объявили новому режиму войну, освободив от всех церковных должностей всех священников, которые стали депутатами Национального собрания или вошли в правительство Запотоцкого.

При этом ранее церковь не имела ничего против того, что католический священник, лидер народной партии Шрамек был при Бенеше членом кабинета министров. А вот нового лидера ЧНП священника Йозефа Плойгара (министра здравоохранения) епископат обвинил в излишней мирской активности. Досталось от католического клира и двум членам словацкого автономного правительства – Корпуса уполномоченных – священникам Гораку и Лукачовичу.

Еще раньше во время парламентской предвыборной кампании церковь публично выступила против единого списка кандидатов от партий Национального фронта, что было явным нарушением принципа отделения церкви от государства.

Чешский католический епископат чувствовал за спиной поддержку Ватикана – папа Пий XII выступил 30 июня 1948 года с резкой критикой мирового коммунизма. В это же время Ватикан тайно переправлял в католическую Испанию диктатора Франко, а в Латинскую Америку – немецких, хорватских и словацких нацистских преступников, снабженных свежими ватиканскими паспортами.

Правительство Запотоцкого отреагировало на открытую враждебность церкви требованием отправить в отставку четырех епископов. Остальные должны были подписать документ о лояльности властям (требование, обычное и для довоенной Чехословакии). В октябре 1948 года эти требования были отвергнуты верхушкой католической церкви, а в марте 1949-го епископат вообще прервал все переговоры с правительством. По странному стечению обстоятельств, этот демарш совпал с учреждением в США Совета свободной Чехословакии.

Архиепископ Беран 15 июня 1949 года обратился к населению с пастырским посланием, в котором подтвердил свою бескомпромиссную позицию. Он назвал клятву лояльности по отношению к новому правительству «предательством христианской веры».

Коммунисты отреагировали на жесткую линию Берана не менее жестко. самого архиепископа отправили под домашний арест, а в пике официальной католической церкви при поддержке властей была создана «обновленная церковь» – движение «Католическое действие» под руководством уже упоминавшегося Йозефа Плойгара. В учредительном заседании приняли участие 70 священнослужителей, а около 2000 выразили свою поддержку.

В ответ епископат отлучил всех участников «Католического действия» от церкви, однако соответствующие декреты от 28 июня и 13 июля 1949 года были объявлены властями недействительными. 19 июня члены Народной милиции попытались помешать службе Берана в главном пражском соборе Святого Вита.

⁵⁵ Родился в 1888 году в семье школьного учителя в Пльзени. После окончания семинарии учился в католическом университете Ватикана. Принял сан в июне 1911 года. До 1932 года служил в своем родном городе, а затем перебрался в Прагу, где в числе прочего преподавал теологию в Карловом университете. Был арестован гестапо 6 июня 1940 года и отправлен в концлагерь Дахау. 4 ноября 1946 года был назначен архиепископом Праги и примасом чехословацкой католической церкви.

⁵⁶ Hoensch J. Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965. Stuttgart, 1966. S. 153.

Опять-таки по странному стечению обстоятельств, всплеск конфронтации чешских епископов с государством совпал по времени с учреждением в США Национального комитета за свободную Европу.

Чтобы не провоцировать дальнейшее отлучение от церкви священников, поддержавших «Католическое действие», руководство организацией передали в руки мирян. Ее председателем стал муж известной чешской писательницы Марии Пуймановой Фердинанд Пуйман (талантливый оперный режиссер, по образованию инженер-строитель). При этом среди участников «Католического действия» имелось много коммунистов, так как в то время верующие члены КПЧ (особенно в Моравии) были отнюдь не редкостью.

Помимо чешского епископата в борьбу против «еретиков» из «Католического действия» включился Ватикан, который 20 июня 1949 года отлучил всех его членов от церкви. Отношение к «Католическому действию» грозило и расколом только что обновленной Чешской народной партии во главе с Плойгаром, что было невыгодно коммунистам.

14 октября 1949 года в ЧСР был принят новый закон о церкви, согласно которому к государству перешло все церковное имущество, а для управления церковными вопросами создавался специальный государственный орган. Государство взяло на себя финансирование всех священников и их приходов, что обошлось в 2 миллиарда крон в год. В обмен на это все священники должны были заявить о полной лояльности государству. Несмотря на призывы епископата не подчиняться новому закону, 98 % рядовых священников, финансовое положение которых сильно улучшилось (ранее именно епископам шли основные средства, собранные с верующих), к 22 января 1950 года принесли клятву лояльности. В ответ на это весной 1950 года было тихо распущено «Католическое действие».

После провокаций «Сокола» на похоронах Бенеша и антигосударственной деятельности церкви правительство ЧСР, к радости Даллеса, решило несколько «закрутить гайки» в стране. 6 октября 1948 года был принят закон № 231 об охране народно-демократической республики, регламентировавший борьбу с политическими преступлениями и антигосударственной деятельностью. Такие законы существовали и во многих западных государствах, и в самой Чехословакии до войны. Новизной закона 1948 года было то, что отныне незаконная эмиграция из страны считалась преступлением против государства. К тому же для рассмотрения дел по закону № 231 учреждался специальный суд.

25 октября 1948 года был издан также закон № 247/48, предусматривавший создание лагерей принудительного труда. Через эти лагеря, существовавшие до 1954 года, по некоторым оценкам, прошло до 20 тысяч человек (хотя есть и другие данные). Лагеря организовывали в тех районах страны, где ощущался недостаток рабочей силы. Существовали отдельные лагеря для политических преступников, уголовников, молодежи и женщин. В лагеря отправляли даже тех, кто не совершил конкретного преступления. Достаточно было слушать западные радиоголоса или иметь родственников в капиталистических странах. В эти же лагеря попадали проститутки и спекулянты. Нахождение в лагере не считалось отбыванием тюремного срока – наоборот, это было своего рода превентивное наказание, избавлявшее «заблудшего» от реальной судимости.

В лагерь по решению местного национального комитета (специальной комиссии комитета из трех человек – «тройки») могли отправить любого гражданина ЧСР в возрасте от 18 до 60 лет на срок от трех месяцев до двух лет. Только в 1949 году комиссии отправили в лагерь 9061 человека. Комиссия могла и не согласиться с предложением об отправке того или иного гражданина в лагерь. С декабря 1948 по август 1950 года комиссии рассмотрели 31 тысячу предложений и одобрили отправку в лагерь 16691 человека.

Смысл лагерей был в «политической перековке» противников нового строя трудом. Направленные в лагеря люди работали на обычных заводах и получали такую же заработную плату, как и нормальные рабочие. В законе содержалось предписание, чтобы родственники

направленных в лагеря людей, особенно дети, не страдали. С 1951 года находившиеся ранее в ведении МВД лагеря перешли под контроль министерства юстиции. В лагерях не было даже постоянной охраны. Лишь время от времени их патрулировали сотрудники госбезопасности, которых в 1949 году на все лагеря было 297 человек. Причем на рабочем месте охраны не было вообще. Неудивительно, что в 1949 году попыталось бежать около 900 заключенных⁵⁷ (10 % от всех, кто находился в лагерях). Примечательно, что десятки беглецов возвращались назад добровольно. Если человек тяжело заболел, его обычно отпускали из лагеря домой (например, в 1950 году таких случаев отмечено 617).

Лагеря были самокупаемыми – их обитатели платили за кров, одежду, еду и иные услуги. В 1949 году лагеря получили от своих заключенных 77 миллионов крон, а истратили на их содержание 66,4 миллиона.

Пять лагерей находилось в районе урановых рудников Яхимова (через них прошло около 5 тысяч человек). Уран поставлялся в основном для ядерной программы СССР (всего 98 тысяч тонн урановой руды). До 1949 года на урановых рудниках работали в основном судетские немцы и присланные из СССР немецкие военнопленные.

Судебные процессы врагов нового строя начались еще до принятия закона об охране республики, ранней осенью 1948 года.

Например, 7 сентября 1948 года верховный военный суд в Праге осудил на пять лет за злоупотребление служебным положением и за военную измену бригадного генерала Йозефа Бартика. Бартик возглавлял после 1945 года военную разведку (управление Z) и пользовался личным доверием президента Бенеша. Генерал следил за тем, чтобы среди 180 сотрудников его управления коммунистов и сочувствующих было как можно меньше. Естественно, со стороны КПЧ Бартик никакими симпатиями не пользовался. Сотрудники МВД (где коммунисты и до февраля 1948 года имели преобладающие позиции) выдвинули против генерала обвинение, что бывший сотрудник гестапо Йозеф Вондрачек передавал ему конфиденциальную информацию, в том числе о ведущих деятелях компартии. Эту информацию Бартик, по данным МВД, без санкции министра обороны Свободы и политического руководства страны переправлял английской разведке. Бартик потерял пост начальника разведки еще в январе 1946 года, а 8 марта 1948-го был арестован⁵⁸.

11 сентября 1948 года тот же верховный военный суд вынес приговоры группе офицеров чехословацкой армии. Штабс-капитан Немечек и капитан Тайхман получил по восемь лет за подготовку путча против республики, а дивизионный генерал Жак отделался годом заключения за подготовку измены родине.

Однако эти процессы были отнюдь не массовыми репрессиями, на которые рассчитывал Даллес, а скорее частью начавшейся после февраля 1948 года коренной чистки чехословацкой армии от прозападных элементов и сторонников Бенеша.

Если органы МВД и госбезопасность до февраля 1948-го комплектовались в основном кадрами из борцов движения Сопротивления (а там большинство были коммунистами), то среди среднего и высшего офицерства новой армии после 1945 года преобладали те, кто находился во время войны в рядах чехословацких частей в Англии. Для коммунистов это было неприемлемо, так как воевали в годы войны в основном не «западные» чехи и словаки, а сформированный в СССР чехословацкий армейский корпус генерала Свободы. Но именно офицеров из этого корпуса (освобождавшего, например, Киев) обходили назначениями после 1945 года. Ведь документы о присвоении высших званий подписывал лично Бенеш как верховный главнокомандующий.

⁵⁷ Термин «заключенный» к тем, кто был в лагерях, официально не применялся – их именовали «воспитанниками».

⁵⁸ Die Tschechoslowakei 1945/48 bis 1989: Studien zur kommunistischen Herrschaft. Leipzig, 2008. S. 93.

После февраля 1948 года победившие коммунисты, наоборот, стали очищать армию от прозападного офицерства и личных друзей Бенеша.

В целом февральские события не вызвали в рядах армии серьезных волнений. Однако некоторые офицеры приступили к созданию подпольных групп, готовивших свержение нового народно-демократического строя.

Например, группа офицеров и гражданских сторонников Бенеша «Шержик» активно сотрудничала с разведками демократических, то есть западных стран. Затем эта группа объединилась с другой подпольной офицерской организацией в группу «Правда победит!»⁵⁹. В этой группе было много сторонников военного руководителя Пражского восстания 1945 года генерала Кутлашпра, тесно сотрудничавшего с власовцами в мае 1945 года.

Группы «Шержик» и «Правда победит!» были обнаружены и разгромлены госбезопасностью в конце 1948 года. Из «Шержика» осудили 14 человек.

Но в Праге существовали и другие военные подпольные антикоммунистические группы: «Весна», «Верные», «Славой» и т. д. Практически во всех этих военных и гражданских подпольных группах были двойные агенты госбезопасности, что и приводило, как правило, к быстрому разгрому организаций. Следует отметить, что в политическом отношении нелегальной деятельностью как в армии, так и вне ее руководили в основном члены национально-социалистической партии.

Характерным в этом отношении является случай Властислава Халупы (родился в 1919 году), который до февраля 1948 года отвечал в руководстве ЧНСП за связи с научными кругами. Генеральный секретарь национальных социалистов Крайна (ярый противник коммунистов) предложил Халупе после парламентских выборов занять его место. После февраля Халупа начал организовывать «новое движение Сопротивления» против КПЧ, причем с помощью посольства Нидерландов. Но и там на госбезопасность работала агент «Джой», от которой и стало известно о незаконной деятельности Халупы.

7 апреля 1948 года Халупу тайно арестовали, и уже на второй или третий день он сам согласился помогать органам госбезопасности (причем никаких мер «физического воздействия» к нему не применялось). Возможно, Халупа «сломался» на том, что госбезопасности было известно о его странном поведении в годы войны. Халупа был арестован гестапо, но через восемь месяцев его вдруг выпустили из концлагеря Заксенхаузен под Берлином, где держали особо опасных врагов рейха, и бывший узник стал членом гражданской службы ПВО в нацистском протекторате Богемии и Моравии.

С согласия госбезопасности Халупа (теперь агент госбезопасности «Король», «доктор Красный» и «доктор Сладкий») основал подпольную «антибольшевистскую» Партию труда, издававшую нелегальные газеты «Пламя» и «Голос свободной республики».

До осени 1949 года в рамках операции «Скаут» Халупа вывел органы госбезопасности на несколько подпольных военных и гражданских групп (помимо вышеупомянутых речь шла об организациях «Мы еще придем!», «Снежинка», «Черная команда» и т. д.). Причем Халупа выявил и связи части этих групп с западными спецслужбами. Благодаря деятельности «Короля» арестовали несколько сотен человек. В сентябре 1949 года «доктор Сладкий» был направлен за границу («тайно эмигрировал») и уже оттуда «руководил» антикоммунистическим подпольем.

Следует подчеркнуть, что эти подпольные группы и их связи с Западом были фактом, а не выдумкой «сталинистской» госбезопасности.

В конце 1948 – начале 1949 г. в ЧСР возникла довольно разветвленная и крупная подпольная организация «Йебавы», названная так по имени одного из ее руководителей Миро-

⁵⁹ Это был девиз гуситского движения в Чехии в XV веке, активно использовавшийся всеми группами чешского Сопротивления нацистам в годы Второй мировой войны.

слава Йебавы (1911–1949). Йебавы, в отличие от многих других лидеров подпольных групп, – опытный разведчик и конспиратор, был для госбезопасности серьезным и опасным противником. После окончания гимназии в Оломоуце он эмигрировал во Францию в поисках работы, но не смог нигде устроиться и завербовался на службу во французский Иностранский легион (служил в Марокко и Алжире).

С началом Второй мировой войны Йебавы вступил в английскую армию и прошел курсы парашютной и разведывательной подготовки по методике британского спецназа – САС («Командование специальных операций» – разведывательно-диверсионные отряды британской армии). В 1942 и 1943 годах с парашютом и с подводной лодки высаживался в оккупированной немцами Франции. В июле 1943-го был арестован вишистской коллаборационистской полицией и находился в заключении до января 1944 года. Сбежал, перешел Пиренеи, всю Испанию и добрался до Гибралтара, откуда вернулся в Англию. Йебавы дослужился у англичан до майора и в 1944 году по собственному желанию перешел на службу в армию де Голля, где командовал десантной ротой. Был тяжело ранен во время форсирования Рейна в марте 1945 года, и на этом война для него закончилась.

В апреле 1946 года после продолжительного лечения Йебавы вернулся в Чехословакию и стал работать на фирме «Прага Экспорт», которой владел его брат.

После февраля 1948 года Йебавы создал подпольную организацию, в которую входило до 300 человек. Группа собирала и передавала английской разведке информацию военного характера. С Йебавы сотрудничали офицеры из министерства обороны, а также из гарнизонов Жатец, Подборжаны, Хомутов, Миловице⁶⁰, Бероун и т. д. На связи с группой был сотрудник британской разведки Уидаш, работавший в Праге под дипломатической «крышей» вице-консула. Группа готовила вооруженное выступление, но была обезврежена накануне планировавшегося мятежа – 7 марта 1949 года⁶¹.

Пять человек из группы были осуждены за измену родине к смертной казни. Приговор в отношении Йебавы был приведен в исполнение 18 июля 1949 года.

Примерно в это же время в ходе операции госбезопасности «Норберт» была разгромлена группа «Жатец» во главе с сотрудником центрального аппарата министерства обороны подполковником Вилемом Зигером (Соком).

Связи армейских и иных подпольных групп с западными разведками также были отнюдь не вымыслом чехословацкой госбезопасности.

Сразу после февраля 1948 года западные спецслужбы создали разведывательно-диверсионные организации из бывших чехословацких офицеров в Англии, Франции и в американской зоне оккупации Германии.

Разведывательную сеть во Франции возглавлял генерал Ченек Кудлачек⁶² (в годы войны имел боевой псевдоним Гутник, то есть «горняк»). В американской зоне оккупации Германии активную деятельность по работе против Чехословакии развернул бывший военный атташе США в Праге Чарльз Катек. Под его крылом работала разведывательно-диверсион-

⁶⁰ В 1968–1990 годах в этом населенном пункте дислоцировалось командование группой советских войск в Чехословакии («Центральная группа войск»).

⁶¹ *Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 287.*

⁶² В 1916 году, будучи призван в австро-венгерскую армию, Кудлачек попал в русский плен и вступил в сформированный в составе русской армии Чехословацкий легион. В 1935 году работал в чехословацкой военной миссии в Боливии (был начальником штаба), которая помогала боливийцам в их безуспешной войне против Парагвая за регион Чако. Затем работал в центральном аппарате министерства обороны ЧСР. После оккупации Чехии нацистами стал начальником штаба подпольной военной организации «Защита нации». Но на его след вышло гестапо, и Кудлачеку пришлось в ноябре 1939 года тайно покинуть страну. Во время войны был чехословацким военным атташе в Канаде и Бразилии. С сентября 1945 года в чине бригадного генерала возглавлял 6-й отдел министерства обороны (отвечал за связи с союзниками, то есть прежде всего с СССР) и за военную промышленность. С 1 ноября 1946 года был главным инспектором Минобороны по вопросам военного воспитания. После февраля 1948 года был отправлен в отпуск, а летом того же года вместе с семьей бежал из страны.

ная группа бывшего полковника чехословацкого генштаба Ярослава Кашпара-Патого. В нее входил, например, бывший уполномоченный по внутренним делам Корпуса уполномоченных (автономного правительства) Словакии генерал Ферьенчик.

Самую крупную на первых порах античехословацкую разведывательно-диверсионную организацию создали англичане. Это объяснялось тем, что многие прозападно настроенные офицеры чехословацкой армии в годы войны находились именно в Великобритании и имели давние связи с «Сикрет Интеллидженс Сервис» (СИС, британская разведка). Группу, называвшуюся *Czechoslovak Intelligence Organisation* (ЦИО, «Чехословацкая разведывательная организация»), возглавил бывший полковник чехословацкого генштаба Карл Йиндржих Прохазка. Эта сеть с самого начала ориентировалась не только на сбор разведывательной информации, но и на засылку в ЧСР террористов и организацию внутри Чехословакии подпольных оппозиционных групп⁶³. Вся организация была зашифрована под кодовым названием MEASURE (то есть «мероприятие»), ее курировал большой знаток чехословацких дел со времен войны майор СИС Кери. Организация имела резидентуры в Цюрихе, Копенгагене, Гамбурге, Вене, Стокгольме, Гааге, Брюсселе и Иерусалиме.

Однако американцев не устраивало первенство британцев в деле разведывательно-диверсионной борьбы против Чехословакии. В Вашингтоне решили организовать единую разведслужбу под крышей Совета свободной Чехословакии, который, в свою очередь, также был создан под нажимом американцев, чтобы контролировать всю политическую эмиграцию.

Возглавить единую разведслужбу хотел бывший генерал Франтишек Моравец, который в годы войны руководил спецслужбой чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне и каждый день докладывал Бенешу о ситуации в стране и в мире. Именно Моравцу принадлежала идея убить заместителя имперского протектора Богемии и Моравии Гейдриха в 1942 году.

После возвращения Моравца из Лондона в 1945 году против него было начато служебное расследование. Его обвиняли в том, что он с помощью британской разведки панически бежал из страны в Лондон в марте 1939 года и не уничтожил документы 2-го отделения (разведки) штаба 1-го корпуса чехословацкой армии, которые попали в руки немцев. Благодаря этим документам гестапо разгромило сеть военного Сопротивления в ЧСР и даже смогло перербовать некоторых агентов.

Моравец сам факт не отрицал, но утверждал, что уничтожить документы должно было командование корпуса, а он как начальник 2-го отделения генштаба, то есть руководитель военной разведки всех вооруженных сил, за это не отвечал. В конце концов, Бенеш как верховный главнокомандующий специальным приказом прекратил расследование в отношении Моравца, и 1 декабря 1947 года генерал был назначен исполняющим обязанности командира 14-й артиллерийской дивизии в городе Млада-Болеслав. Рассчитывая на свои связи с Бенешем, Моравец ждал со дня на день повышения до командующего корпусом, но тут подоспели февральские события 1948 года⁶⁴.

Моравец был ими шокирован. Он писал племяннику, что жизнь кончена, ведь народ рукоплещет уничтожению всего того, что ему дорого. В то же время Моравец был морально готов «понять», как он выражался, новую власть и предложить ей свои услуги. Он осознал, что Бенеш, на которого он сделал ставку всей своей жизни, оказался слабым, и необходимо «сменить лошадь».

Однако резидент британской разведки в Праге Джобсон убедил Моравца сбежать из страны и возглавить разведсеть чехословацкой эмиграции в Лондоне. Англичане не хотели, чтобы Моравец, обладавший обширнейшей информацией о методах и кадрах СИС, перешел на службу к коммунистам. В марте 1948 года Моравец поездом выехал из Праги на курорт

⁶³ Solz J. Ve sluzbach prezidenta. Praha, 1994. S. 238.

⁶⁴ Solz J. Ve sluzbach prezidenta. Praha, 1994. S. 232.

Марианске-Лазне, где пришел на явку британской разведки. Оттуда его мотоциклом доставили к условленному месту на границе, и он нелегально покинул родину. Желу Моравца Власту с поддельным паспортом на машине с британским дипломатическим номером также вывезли из страны.

В Германии Моравца немедленно взял в оборот уже упоминавшийся выше Чарльз Катеки, стремившийся обойти англичан в создании мощной античехословацкой разведывательно-диверсионной организации. Организацию назвали Special Service Company 946 («Специальная сервисная компания»), и она базировалась в Гейдельберге и Штутгарте. В «компанию» входил, среди прочих, Антонин Бартош, бывший диверсант Моравца в годы войны, а после 1945 года – депутат парламента от ЧНСП, возглавлявший комиссию партии по военным вопросам. «Компания» функционировала под крышей американской военной разведки MIS.

Однако Моравцу не удалось стать шефом единой разведки при созданном американцами Совете свободной Чехословакии. Этот пост занял генерал Сергей Ингр – бывший министр обороны эмигрантского чехословацкого правительства в Лондоне в годы войны⁶⁵. Ингр сделал своими заместителями во Франции Кудлачека, в Англии – Прохазку. Моравца американцы «продавить» на пост начальника объединенной разведки Совета не смогли, так как его не любили многие коллеги по армии за бегство из страны в марте 1939 года.

Тем не менее, находясь под крылом американцев, Моравец вместе с Катеком приступил с начала 1949 года к активному набору и подготовке диверсантов в лагерях для «перемещенных лиц» в Западной Германии (в Вальке, Мурнау и Ульме). Затем будущих диверсантов направляли в один из тренировочных центров американской разведки в Западной Германии.

В тренировочном центре OKAPI в Дармштадте (фигурировал как американская воинская часть, почтовый ящик 175; Army Post Office (APO)) готовили диверсантов для проникновения в ЧСР по суше. В рамках центра существовали две разведшколы для начинающих (ОКТА I и ОКТА II) и школа DELTA для «повышения квалификации».

Тренировочный центр COMMO во Франкфурте-на-Майне (APO 757) готовил радистов.

Специальной подготовкой для заброски диверсантов в ЧСР по воде (на лодках или с аквалангами) занимались американские инструкторы из «Речного патруля ВМС США» (US Navy River Patrol) в Мангейме. Тренировки проводились на рукавах Рейна у города Шпейер.

BBC США в Европе (USAFE) на своих базах в Фюрстенвальдбрюке (ФРГ) и Бовингтоне и Бедфорде (Великобритания) учили людей Моравца (американцы присвоили генералу псевдоним «Арнольд») проникать на родину с помощью воздушных шаров.

Штаб «организации Моравца» находился в западногерманском городке Бенсхайм: официально на большой вилле, именовавшейся американцами Pink House (то есть «Розовый дом»), располагалась организация «Американский офис Бостона» (American Office of Boston)⁶⁶. Моравец опять почувствовал себя важным лицом: он располагал светло-зеленым «шевроле 52» с водителем, стал одеваться в свою любимую дорогую добротную английскую одежду и ездить на рыбалку.

Моравец лично инструктировал разведчиков, которых нелегально забрасывал в Чехословакию. Причем эти люди занимались отнюдь не только добыванием разведданных и поддержанием связи с подпольем в ЧСР.

27 мая 1948 года в Праге в своей квартире из автомата был застрелен Августин Шрамм, судетский немец, который еще в 30-е годы был членом ЦК КПЧ. В 1938 году он эмигрировал

⁶⁵ Ингр пользовался еще большим доверием Бенеша, чем Моравец. Именно он готовил армию на случай вооруженной борьбы с коммунистами после 1945 года. 6 июня 1945 года Бенеш присвоил ему высшее воинское звание генерала армии, а 27 августа 1947-го назначил Ингра посланником в Нидерланды. 3 марта 1948 года Ингр ушел в отставку и остался в эмиграции. Умер от инфаркта в Париже в 1956 году. В 1991-м был посмертно награжден президентом Чехословакии Гавелом орденом Штефаника.

⁶⁶ Solz J. Ve sluzbach prezidenta. Praha, 1994. S. 241.

в СССР, и в годы войны, будучи майором НКВД, организовывал заброску в ЧСР парашютистов-разведчиков (то есть занимался тем же, что и Моравец в Лондоне). После войны возглавил отдел ЦК КПЧ по работе с бывшими партизанами и борцами Сопротивления, затем перешел в министерство обороны. Есть данные, что Шрамм осуществлял связь между госбезопасностью ЧСР и ее советскими коллегами.

В эмиграции распускались слухи, что Шрамм лично организовал убийство Яна Масарика и чуть ли не собственноручно вытолкнул его из окна, – поэтому ему надо отомстить. Скорее всего, именно Моравец стоял за убийством своего конкурента по военным временам, хотя этот вопрос не прояснен и по сей день. Распространяемая сейчас в Чехии версия о том, что Шрамма убила сама же госбезопасность, не имеет под собой никаких оснований, а тем более мотива. Официально за убийство Шрамма был осужден и казнен один из лидеров студенческого движения Хоц. Но вряд ли он сделал это один. Моравец же еще со времен войны считался специалистом именно по терактам.

Однако в лице молодой чехословацкой госбезопасности американцы и Моравец столкнулись с достойным противником. МВД ЧСР, которому подчинялся Корпус национальной безопасности, создало несколько фиктивных подпольных организаций, в сети которых попало много западных агентов. Пример такой организации – группа «Светлана». Первоначально ее создали лишь для отслеживания настроений среди кругов, оппозиционных новой власти. Затем «Светлана» перешла к «подпольной борьбе против режима». В сети «Светланы» попали и были арестованы в 1949–1950 годах более 500 человек⁶⁷. Некоторых взяли сразу после подписания торжественной присяги и выдачи удостоверений подпольщиков. 10 членов «Светланы» были казнены, 20 – получили пожизненные сроки тюремного заключения.

Другой успешной операцией госбезопасности была упоминавшаяся выше операция «Камень», причем здесь удалось напрямую переиграть американскую разведку. Сотрудники КНБ «переводили» врагов нового строя через границу, а на самом деле они все еще находились на территории ЧСР. При допросах «американскими офицерами» беженцы охотно делились информацией о своих связях и своей подпольной деятельности, чем подписывали себе приговор.

Операция «Камень» развивалась по образцу аналогичной советской операции, которую в то время проводили в Берлине. За «Камень» отвечало управление I КНБ (контрразведка) и непосредственно 28-й отдел сектора, работавший против американской разведки за рубежом, а также 29-й отдел, который следил за американским посольством и другими американскими учреждениями в ЧСР. Агентами-провокаторами выступали сотрудники сектора IV, отвечавшего за аресты.

Обычно агент-provokator как представитель американской разведки выходил на вызывавшего подозрение военного или чиновника и «доверительно» сообщал ему, что вот-вот предстоит его арест и, по мнению американцев, ему лучше немедленно бежать из страны. Если лицо «заглатывало наживку», его «переводили через границу», где допросы вел офицер американской разведки (в этой роли обычно выступал офицер КНБ Амон Томашов, «Тони»)⁶⁸.

Заканчивалось все по-разному. Иногда «беженца» направляли без охраны на другой пост армии США, и по пути его задерживали чехословацкие пограничники. Иногда удивленному «борцу против тоталитаризма» сообщали, что его прошение о политическом убежище в США отклонено, и его «передавали чехам». Причем сведения о таком «негостеприимстве» американцев циркулировали по Чехословакии и удерживали многих от эмиграции.

⁶⁷ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol.-55-no.-1/pdfs/CleanedLukes-OperationKamen-Web.pdf>.

⁶⁸ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol.-55-no.-1/pdfs/CleanedLukes-OperationKamen-Web.pdf>.

Например, агент КНБ Яноушек, представившись агентом британской разведки «Джонни», побудил к эмиграции чиновника МВД Олдржиха Малаца, который во время войны работал в разведке у Моравца и в начале марта 1948 года был уволен из МВД. 1 мая 1948 года «Джонни» доставил Малаца на КПП «армии США», где того стал допрашивать «Тони». Однако Малац в 1943–1944 годах жил в США и сразу понял, что акцент у «американского офицера» отнюдь не американский. К тому же у «Тони» был специфический словарный запас, почерпнутый в основном из лексикона британских моряков. Наконец, бывший разведчик Малац увидел на столе «Тони» пишущую машинку чехословацкого производства. Неудивительно, что Малац ни в чем не признался и получил «лишь» 15 лет тюрьмы за попытку незаконного перехода границы.

В том же мае 1948 года в сети операции «Камень» попали майор ВВС ЧСР Гнатек (во время войны воевал в Англии) и еще 11 военнослужащих. Гнатек приговорили к смертной казни, но потом заменили высшую меру 15-летним заключением.

Американцы все же вышли на след «Камня» и в июне 1948 года направили в МИД ЧСР ноту протеста. Следующую ноту американцы прислали 2 июля, протестуя против использования чехословацкими должностными лицами формы американской армии. В ответной довольно саркастичной ноте МИД ЧСР утверждал, что американцы пали жертвой «недобросовестного информатора».

На самом деле «Камень» выдал американцам член одной из разведывательных организаций спецслужб США на территории Чехословакии Станислав Лишка, до войны служивший в полиции ЧСР. КНБ привлекла Лишку в качестве «проводника» для эмигрантов, не зная, что он работает на американцев. Но американцы не берегли своих агентов. В ноте посольства США содержалось такое подробное описание фальшивого поста «армии США», что выйти на Лишку как на источник этой информации для госбезопасности большого труда не составило. 10 декабря 1948 года Лишка был арестован, но, будучи опытным полицейским, он сумел открититься от всех обвинений, и через пять месяцев его отпустили. 12 августа 1949 года Лишка бежал из ЧСР в Западную Германию. Однако там в одном из лагерей для «перемещенных лиц» Лишку как своего «проводника» узнал один из бежавших из лагеря в ЧСР инженер – жертва «Камня». Американцы арестовали Лишку и обвинили его в работе на госбезопасность ЧСР. Лишке снова удалось оправдаться, доказав свою работу на американскую разведку в течение трех лет. Тем не менее, убежища в США подозрительному агенту не предоставили и поторопились отправить его в Канаду.

Неудивительно, что в противовес столь мощной разведывательно-диверсионной работе из-за рубежа руководство компартии Чехословакии стремилось очистить вооруженные силы ЧСР от ненадежных, а подчас и прямо враждебных элементов.

В январе 1949 года при ЦК КПЧ был образован специальный орган – Военный комитет – для проведения в вооруженных силах политики партии. В комитет входили президент Готвальд, генеральный секретарь КПЧ Сланский, министр обороны генерал армии Свобода, начальник генерального штаба корпусный генерал Дргач, заместитель министра обороны по политическим и правовым вопросам корпусный генерал Прохазка, заместители министра обороны по материальной части и кадровым вопросам дивизионные генералы Дрнец и Рейцин. Позднее в Военный комитет вошли председатель правительства Запотоцкий, министр внутренних дел Носек, министр юстиции Чепичка (зять Готвальда), начальник военной канцелярии президента республики дивизионный генерал Сатори, руководитель военного отдела ЦК КПЧ подполковник Антонин Свобода и председатель Госплана (государственного ведомства по планированию) ЧСР Доланский.

Все вопросы, выносимые на заседание Военного комитета, предварительно обсуждались «узким» руководством министерства обороны. Чистку в армии проводил «Армейский консультативный орган», занимавшийся и до февраля 1948 года в основном кадровой политикой.

После февральских событий КПЧ решила создать свои первичные организации прямо в воинских частях, что и было сделано в сентябре 1948-го. Раньше члены партии в вооруженных силах были записаны в обычные «гражданские» первичные организации по территориальному принципу (по месту дислокации военных гарнизонов). Причем офицеры и рядовые были в разных первичных организациях. Как и в партии в целом, была проведена проверка и среди армейских коммунистов. В офицерских парторганизациях членские билеты сохранили 40 % коммунистов, 60 % офицеров-коммунистов перевели в кандидаты. Среди рядового и сержантского состава в рядах партии оставили 72 %, а 28 % стали кандидатами⁶⁹.

В конце 1948 года 80 % всех офицеров армии были членами или кандидатами в члены КПЧ, в то время как перед февралем 1948-го – лишь 15,4 %. Всего в армии на начало 1949 года было 25 тысяч членов и 16 тысяч кандидатов в члены партии.

Чистка в армии началась весной 1948 года, когда различные «комитеты действия» Национального фронта представили предложения в «Армейский консультативный орган» об увольнении из вооруженных сил 981 генерала и офицера. Но уволено из армии было лишь 454 генерала и офицера. Причем этих людей не наказали, а перевели в запас или на пенсию со всеми причитающимися в таких случаях финансовыми выплатами. Остальных офицеров из списка «комитетов действия» перевели в другие гарнизоны или на другие должности.

Однако такая «мягкая чистка» в армии вызвала критику со стороны многих коммунистов и членов профсоюзов. Во второй половине 1948 года началась новая волна увольнений, которая затронула 822 офицера и генерала (6 % всего офицерского корпуса). Уволили также 130 старшин (ротмистров). В основном чистка коснулась тех военнослужащих, которые во время Второй мировой войны служили в чехословацких частях на западном фронте.

Особенно реакционно были настроены летчики, практически поголовно служившие в годы войны в Англии. Стали отмечаться случаи угона военных самолетов на Запад. В этой связи была проведена проверка всего летного состава ВВС, и весной 1949 года из авиации «вычистили» 98 офицеров. Новая волна чисток последовала в связи с разоблачением группы «Йебавы».

Всего после февраля 1948 года и до конца 1949-го из вооруженных сил уволили 2965 человек, то есть 22,2 % всех кадровых офицеров предфевральского периода⁷⁰. Из армии пришлось уйти 52,3 % всех офицеров, служивших в годы войны на Западе, и 25,25 % офицеров домюнхенской чехословацкой армии. Самый большой процент «вычищенных» офицеров был в ВВС (32,1 % от всего офицерского состава) и танковых частях (30,9 %). Что касается национального состава, то из 10 921 офицера чешской национальности до конца 1949 года было уволено 2539 (23,2 %), из 2191 офицера-словака – 426 (19,4 %).

Но если чехословацкая армия к концу 1949 года внешне была гомогенным политическим организмом в кадровом отношении, то ее вооружение и оснащение по-прежнему оставалось крайне пестрым. Например, 73 % пехотного вооружения было трофейного немецкого происхождения (практически все винтовки), 16 % – советского, 9 % – отечественного, 0,3 % – британского. Из боевых машин (прежде всего танков) 42 % были английскими, 22 % советскими и 36 % – немецкими. 78 % самолетов достались ЧСР из арсеналов Третьего рейха, 12 % – Англии и лишь 10 % – из СССР.

В целом, как и отмечало ЦРУ, не только «пражский переворот» прошел для коммунистов легко, но и признаков широкой народной оппозиции в 1948-1949 годах в ЧСР не наблюдалось. Во многом это было следствием успешной экономической политики коммунистов в первые годы после февраля 1948-го.

⁶⁹ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 296.

⁷⁰ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 317.

Сразу же после февральских событий последовала новая волна национализации в промышленности, которая, однако, была отнюдь не такой масштабной, как в 1945 году. Теперь национализация проводилась не декретами президента, а законами парламента – Национального собрания.

Перечень отраслей, где в государственную собственность переводились все без исключения предприятия, был расширен за счет торфяной, лесопильной, керамической, кирпичной, кожевенной, резиновой, стекольной и фармацевтической промышленности (в 1945 году были национализированы вся тяжелая промышленность, энергетика и машиностроение). В строительстве, оптовой и внешней торговле были национализированы все предприятия с более чем 50 работниками⁷¹.

Всего в 1948 году было национализировано 2653 предприятия, что вызвало горячую поддержку рабочих. Правительство фактически реализовало то, что потребовали на своем съезде в феврале 1948 года заводские профсоюзные комитеты. К 1 мая 1949 года в государственном секторе промышленности было занято 95 % всех работавших в чехословацкой индустрии. К 1950 году 98 % всей промышленной продукции производилось в государственном, или, как его стали называть, социалистическом, секторе, в строительстве эта доля составляла 94,3 %, на транспорте – 95,5 %⁷².

Во внутренней торговле было ликвидировано примерно 10 тысяч крупных оптовых фирм. Тем самым государство, наконец, покончило с ненормальной ситуацией, порождавшей спекуляцию и позволявшей частникам обогащаться за счет государственных производственных фирм. Ранее частные торговцы с удовольствием закупали на государственных промышленных предприятиях продукцию по низким ценам и перепродавали ее потребителям с наценкой, доходившей до 300-400 %. К тому же торговцы-оптовики часто «придерживали» товар и сбывали его потом на черном рынке, тем самым увеличивая в стране инфляцию.

После февраля 1948 года доля государства во внутренней торговле составила 60 %⁷³.

Логичным было и то, что государство взяло под контроль внешнюю торговлю. Здесь сложилась еще более вопиющая с экономической точки зрения ситуация, когда частники перепродавали продукцию государственных предприятий за границу и оставляли там, в основном в Швейцарии, на своих незаконных валютных счетах большую часть выручки. Естественно, частные предприниматели не горели желанием торговать с СССР по клирингу и вообще закупали за границей только товары народного потребления, в то время как в промышленности не хватало современного производственного оборудования.

До февраля 1948 года на западные страны приходилось 70 % чехословацкого импорта и 35 % – экспорта. Теперь положение стало меняться, в том числе и потому, что под давлением США западные страны все чаще отказывались от закупки чехословацких товаров и вводили запреты на экспорт собственных товаров в социалистические страны.

После 1948-го в руках частных в Чехословакии остались лишь мелкие предприятия местного значения.

Национализация 1948 года имела наибольшее значение именно для торговли, так как ключевые промышленные предприятия и все банки были национализированы еще декретами Бенеша в 1945-м, причем при поддержке всех политических партий. В промышленности изменения в удельном весе различных форм собственности были незначительными. Если до февраля 1948 года на государственный сектор приходилось 70 % созданного национального дохода, то в 1950 году – 80 %. Доля частного сектора сократилась с 29,3 % до 19 %⁷⁴.

⁷¹ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 49.

⁷² Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 152.

⁷³ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 485.

⁷⁴ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 65.

21 марта 1948 года Национальное Собрание утвердило пять законов об аграрной реформе, которые коммунисты безуспешно пытались продвигать в 1946-1947 годах. Был установлен максимум частного землевладения в республике – 50 га, включая пашню, леса, луга, сады, пруды, болота, ручьи, озера, частные дороги, застроенные участки.

Земельная площадь, превышавшая этот лимит, выкупалась государством и распределялась среди безземельных и малоземельных крестьян. Одновременно с землей государство выкупало пропорциональную долю инвентаря, скота и машин. Прежнему землевладельцу могли по его просьбе оставить один гектар, включая площадь, находившуюся под постройками. Компенсация за земельные излишки базировалась на средней стоимости земли за последние 10 лет перед реформой или в размере средней цены во время реформы, но со скидкой в 20 %. Компенсацию государство платило своими ценными бумагами и лишь в исключительных случаях – деньгами. Следует отметить, что это было обычной практикой для большинства аграрных реформ во всех частях мира.

Новые владельцы получали землю от государства за плату по выкупной цене со скидкой в 10 % и в рассрочку до 15 лет.

При этом в Чехословакии был на практике проведен в жизнь принцип «земля тем, кто ее обрабатывает». Теперь владелец земельного участка должен был принимать личное участие в его обработке, либо в форме физического труда (в малом хозяйстве), либо непосредственно управляя производством (в большом хозяйстве). Причем землевладелец должен был постоянно проживать на территории своего надела, и сельскохозяйственное производство должно было быть его главным источником существования.

До 2 га земли давалось рабочим и служащим, совмещавшим свою основную работу в промышленности с приусадебным хозяйством, до 4 га – тем, кому собственный «огород» был крайне необходим для поддержания прожиточного минимума. Церковному приходу с согласия местного национального комитета оставляли не более 30 га⁷⁵.

Помимо распределения земли государство обеспечило деревню дешевым кредитом. В домюнхенской Чехословакии кредитный произвол банков и помещиков был бичом деревни: именно из-за неуплаты грабительских процентов по кредитам разорялось большинство крестьянских хозяйств. По закону от 21 марта 1948 года ставка по кредитам для сельхозпроизводителей не могла превышать 3,5 % при краткосрочной ссуде и 3 % – при долгосрочной (на срок от 5 до 40 лет). При чрезвычайных обстоятельствах (засуха, падеж скота) выплату кредита полностью или частично брал на себя специальный гарантийный фонд при министерстве сельского хозяйства.

Естественно, подобная кредитная политика была бы невозможной без проведенной в 1945 году национализации всей банковской системы.

15 апреля 1948 года был принят давно лоббируемый коммунистами закон о социальном страховании всего населения, в том числе и крестьян. Впервые в истории чешские и словацкие земледельцы получили все социальные блага, о которых раньше не могли и мечтать: бесплатное лечение, пенсию по старости (после 65 лет, если доход крестьянина не превышал половину дохода среднего рабочего), пособия вдовам и круглым сиротам, пособия на воспитание детей, при бракосочетаниях и родах и т. д.

По новой аграрной реформе у помещиков и не работавших на земле землевладельцев было изъято 853 тысячи гектаров, а всего после 1945 года – 4,5 млн га (в основном у немцев и венгров). Таким образом, аграрная реформа «коммунистического правительства» образца 1948 года отнюдь не была коммунистической по целям (никакого обобществления земли не предусматривалось) и громадной по размаху. Землю получили примерно 98 тысяч бедных крестьянских хозяйств.

⁷⁵ Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 153.

Новые собственники не могли продать полученную землю или сдать ее в аренду – они должны были заниматься сельскохозяйственным производством сами.

Тем самым чехословацкая деревня после 1948 года, как и российская деревня в 1918 году, «осередничалась» – то есть стало меньше бедных и непомерно богатых землевладельцев. И, как и в России, здесь были свои плюсы и минусы. К плюсам относился существенный рост жизненного уровня крестьян, которые стали хорошо питаться и доходы которых в целом стабильно росли. Неудивительно, что рост авторитета коммунистов на селе был впечатляющим, то есть реформа, несомненно, удалась с политической точки зрения.

Однако ликвидация крупных механизированных и специализированных хозяйств (в основном немецких, это было сделано еще в 1945 году декретами Бенеша) привела к сокращению товарности чехословацкого сельского хозяйства. Крестьяне стали больше потреблять сами и меньше поставлять на рынок. Это вело к сложностям и перебоям в снабжении продуктами городского населения. Тем более что в ходе бурного развития промышленности после 1945 года это население сильно выросло. Рабочие и служащие – главная социальная опора КПЧ – выражали недовольство эгоизмом крестьян. Ведь только что, в 1947 году, государство за счет бюджетных средств и новых налогов спасло многих крестьян от разорения, когда страну постигла страшная засуха. Очень помог и СССР (сам еще не оправившийся от тяжелейшей засухи, усугубленной последствиями войны) поставками не только пищевого, но и фуражного зерна, предотвратив массовый забой скота в Чехословакии и грядущий голод.

И вот теперь сами крестьяне отнюдь не горели желанием увеличивать производство, ведь их семьям дохода хватало на вполне сносную и даже зажиточную жизнь.

Руководство компартии прекрасно понимало, что экономически из этой сложной ситуации есть только один выход – массовое создание в деревне крупных производственных кооперативов, способных применять современную агротехнику, оплачивать машины и удобрения на полях. Только крупные хозяйства интенсивного типа могли накормить растущее городское население. Однако коммунисты не могли пойти на коллективизацию по политическим мотивам, ведь противники КПЧ и так постоянно запугивали чешских и словацких крестьян «колхозами», без которых якобы невозможен никакой социализм.

Присутствие государства в аграрном производстве было минимальным и после 1948 года. Примерно 0,5 млн га из национализированной земли (причем в основном отобранной у немцев в 1945 году) перешли в ведение государственных хозяйств (госхозов). Госхозы, как правило, создавались в тех районах, где не было спроса на землю со стороны крестьян, – большей частью на пограничных территориях, откуда в 1945–1946 годах были выселены немцы.

Новая конституция ЧСР 9 мая 1948 года закрепила преобладание общественных форм собственности в экономике. В статье 12 основного закона говорилось: «Экономическое устройство Чехословацкой республики базируется: на национализации недр, земли, промышленности, оптовой торговли и финансовых учреждений; на земельной собственности по принципу «земля принадлежит тому, кто на ней работает»... Все народное хозяйство Чехословацкой республики должно служить народу. Исходя из интересов общества, государство направляет всю экономическую деятельность путем единого хозяйственного плана»⁷⁶.

Тем не менее, в конце 1948 года с частным мелкотоварным и низкоэффективным производством в стране было все еще связано примерно 40 % всего экономически активного населения. В деревне госхозы обрабатывали лишь 5,7 % всей земли. Богатые крестьяне (их на советский манер скоро стали называть «кулаками») владели 17 % сельскохозяйственных земель и производили 20 % всей товарной продукции аграрного сектора. «Кулаки» нанимали за сезон более 60 тысяч рабочих, то есть эксплуатация человека человеком в деревне была отнюдь не изжита.

⁷⁶ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 486.

В городах продолжали существовать десятки тысяч кустарных ремесленных предприятий. В розничной торговле частник пока преобладал – доля госсектора там была всего 31,3 %.

Итоги выполнения восстановительного двухлетнего плана к концу 1948 года впечатляли, хотя фактически планом была связана только национализированная крупная промышленность. Главная задача плана – восстановить, а по ключевым отраслям индустрии и превзойти довоенный уровень, – была успешно выполнена. Выпуск промышленной продукции по сравнению с маем 1945 года удвоился и превзошел уровень 1938 года на 8 %.

Стоит подчеркнуть, что большие успехи в развитии горнодобывающей и тяжелой промышленности не привели к снижению производства в тех отраслях, которые производили товары народного потребления. В 1948 году на личное потребление в ЧСР тратилось 62,7 % национального дохода, на материальное общественное потребление – 16,9 %, на накопление – 20 %. Эти цифры были нормальными для стагнирующей экономики, но абсолютно недостаточными для технического перевооружения и модернизации промышленности или для индустриализации. В этом случае норму накопления следовало бы существенно увеличить, естественно, за счет сокращения потребления.

Большие успехи были достигнуты в отсталой ранее Словакии, где до 1945 года фактически вообще не существовало современной промышленности. Из Чехии в Словакию были перебазированы десятки предприятий, и примерно 40 промышленных объектов возводилось заново. К 31 декабря 1948 года в Словакию было перевезено оборудование с 337 чешских предприятий, которое в первую очередь устанавливалось на уже действовавших заводах. Оборудование это было, прежде всего, с предприятий, конфискованных в 1945 году у немцев. В результате занятость в словацкой промышленности выросла на 23 871 человека⁷⁷.

Государство стимулировало словацкую промышленность и путем преимущественного предоставления словацким предприятиям госзаказов, даже если цена продукции там была на 20 % выше, чем в Чехии.

Индустриализация Словакии, начатая в основном под давлением КПЧ, наталкивалась до февраля 1948 года на критику чешских некоммунистических партий, пытавшихся разжечь среди чешского населения антагонизм против «словацких иждивенцев». Например, орган Чешской народной партии газета «Лидова демократие» писала: «...Подчеркиваем, что если мы дадим Словакии промышленность, то станем беднее». Национальные социалисты, которые, как и Бенеш, вообще не считали словаков отдельным народом, занимали в этом смысле еще более жесткую позицию. Например, одна из газет ЧНСП «Свободны зитршек» писала, что в проблемах Словакии виноваты те, кто сотни лет назад завел словаков в Карпаты и Татры, а не на берега Лабы (!)⁷⁸.

При этом после вхождения Словакии в состав Чехословакии в 1918 году и так эмбриональная словацкая промышленность переживала стремительный спад, так как ее пытались выбить с рынка более развитые чешские конкуренты. В 1918–1932 годах в Словакии прекратили работу 200 предприятий, и без работы осталось более 26 тысяч человек. В 1933–1937 годах закрылось еще 485 заводов и фабрик. В 1937 году в промышленности Словакии работало лишь 2,94 % от всего занятого населения.

Так что ускоренное развитие словацкой промышленности в 1945–1948 годах лишь восстанавливало положение 1918 года.

В целом Чехословакия в 1945–1948 годах могла похвастаться прекрасными экономическими достижениями. Однако за вполне достойными показателями выполнения Созидательного плана скрывалось много проблем.

⁷⁷ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 81.

⁷⁸ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 82.

Хотя до войны Чехословакия считалась промышленно развитым индустриальным государством, это впечатление было во многом обманчивым, так как в промышленности страны имелись большие диспропорции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.